

••• **Д**а, с дядькой мне не повезло. Я, конечно, и сама просчиталась, впредь буду умнее. Но он — моралист хренов! — тоже свое получит, я уж постараюсь, будьте уверены.

Это ему даром не пройдет, пусть свою распрекрасную жену отчитывает. Ишь, праведник нашелся!

— Ну что ж, Инга, ты сделала свой выбор, — это он мне напоследок заявил. — Видишь ли, деточка, человек постоянно в жизни выбирает, каждую минуту. Поэтому все зависит от него самого, и не надо искать виноватых. Будь здорова.

И трубку бросил. Ну и буду здорова, а ты как думал? Я его хорошо знаю: больше ни о каких отношениях между нами и речи быть не может. Жаль.

Да не его жаль, конечно! Зачем он мне сдался?! Имущество ушло, вот что обидно. А я три года ухлопала, чтоб это устроить...

Дядька мой решил на старости лет жениться, видите ли. Нет, он и до этого всю жизнь был женат, но тетка Дина, конечно, штучка еще та. Я-то как раз с ней отлично ладила, а вот дядька — никак.

Ну, любви там вообще никогда не было, детей — тоже. Да это все ничего, жить можно, но тетка перегнула палку конкретно: последние десять лет этого «брака» вела исключительно свою жизнь. Они даже жили в разных комнатах, месяцами не разговаривали. Она, если честно, и замуж-то вышла, только чтобы печать в паспорте была. Статус для нее — дело не последнее.

Я, в принципе, была их единственная точка соприкосновения. Чего греха таить, кого им еще любить, о ком заботиться? Я сумела стать нужной им обоим. Всего-то делов: звонить и почаще приезжать. Слов хороших не жалеть, про здоровье спрашивать, подарки привозить по случаю и без.

А теперь сложите два и два и ответьте: кому должна была достаться их квартира? Правильно, мне. Мне двадцать пять лет, им обоим — за пятьдесят. Как говорится, дело времени.

Так нет же, надо было этой Асе появиться! Она — дядькина однокурсница, «любовь юности», чтоб ей пусто было. Они, видите ли, в молодости почему-то

расстались, а теперь нашлись, и «все бывшее в отжившем сердце ожило». Противно даже: о душе пора думать и о белых тапках, а не про марш Мендельсона.

Дядька Петр прямо ожил, крылья расправил, грудь колесом. Тетке Дине объявил, что расходится с ней.

Главное, смешно: жили как чужие, она сама чуть ли не раз в неделю закидывала про развод (пугала, что ли? А зачем?..), а как и вправду случилось — чуть не лопнула от злости. Ее что больше всего взбесило? Что какая-то там бывшая лучше нее. А чем?!!

Но дядька — мужик упертый, решений своих никогда не меняет. Да и любил он, оказывается, эту Асеню всю жизнь.

Я-то сразу смекнула, как мне быть. Только новая жена вселилась (переехала из другого города), а тетка Дина — вернулась в квартиру давно умерших родителей, которую годами сдавала внаем, я — тут как тут. Надо же быть в курсе дела!

А что? Умный человек любую ситуацию просекает с ходу. Ведь люди — все одинаковы, поэтому угодить «тетечке Асе» было раз плюнуть. Я оказалась так неподражаемо любезна, так бесконечно рада дядиному счастью, что Ася растаяла, и мы сразу стали друзьями до гроба.

Но теперь возникало много вопросов: как тетка Дина будет делить «совместно нажитое»?

Дядя Петя, будучи инициатором развода, все-таки считал себя виноватым и решил поступить так, чтобы тетка Дина поменьше обижалась. Они по-нормальному договорились, что ни в какие суды отставная супруга не пойдет. (Она сама просила: «Не позорь меня еще и там!») Но дядька за это выplatит ей большие деньги. Так получилось, что покойница-мать оставила ему очень немало, а деньги эти по суду не делились: наследство.

Вот наивный мой дядечка и отвалил Дине огромный куш (почти все, что у него имелось!) под честное слово, что претензий у тетки больше не будет. «Честное слово тетки Дины» звучит так же смешно, как «благородные глаза голодного крокодила». Разве дядька этого не знал?! Даже расписки не попросил, глупый.

Она денежки взяла и на другой день уже преспокойно жаловалась на бедность знакомому адвокату. И сразу составил иск от потерпевшей, «выброшенной без копейки на помойку». Тетка Дина любила выражаться попышнее, а уж когда расписывала свои обиды, то слушатели проникались уверенностью, что гильотина — это самое мягкое орудие возмездия за такие дела.

Я поразилась теткиной хватке: вот молодец! Теперь еще и полквартиры оттяпает. Дураков надо учить, правильно.

Тетка Дина не раз говорила, что считает меня за дочку и хочет именно мне все оставить «потом». Поэтому я и после их развода отношения с ней не портила: половина квартиры — это тоже хорошо, а там — как бог даст.

Можно было аккуратно общаться и там, и здесь, и дядя Петя вторую половину тоже завещает мне. Эх, если бы не эта новая тетушка! Она же, если вдруг что произойдет, — наследница первой очереди, по закону. Но ей некому «потом» завещать, так уж вышло. И если я — дядькина любимица, то и Ася никуда не денется. Все сходится, как в аптеке.

И вот тут я сплеховала.

Когда тетка Дина преподнесла дядюшке сюрприз в виде суда (ох и физиономия у него была, стоило посмотреть!), он мне сразу сказал:

— Инга, выбирай: или Дина, или я. Если ты хочешь общаться с ней, то про меня забудь.

Я, конечно, заверила, что с такой коварной обманщицей моего любимого дяди никаких контактов не будет. А сама решила: ну зачем мне терять свое? Пусть дядюшка думает, что я — полностью с ним солидарна, так даже лучше.

Тетка Дина сразу оценила мой ход: она получала своего человека в стане врага. Потом это тоже мне зачтется, а как же!

И началось интересное: суд за судом, апелляция за апелляцией. У дядьки ведь еще и машина дорогая, так ее тоже — на дележ. Я была, конечно, в курсе всех дядюшкиных контрходов и потихоньку информировала тетку Дину. И все его уловки тут же теряли смысл, как он ни бился.

Короче, через год (и три суда!) решилось так: дядька должен выплатить Дине за полквартиры и полмашины. Или, как вариант, разменять квартиру на две.

За полмашины — дядюшка наскреб (продал свою шикарную «тачку» и купил «Жигуленок»), а с квартирой — дело застряло. Дядя Петя разъярился не на шутку за такой обман и решил из принципа стоять насмерть.

У Дины получилась проблема, ведь по решению суда — она, отняв половину жилья, имела право там просто поселиться. А заставить дядьку продать или разменивать — это можно было только мирным путем, суд не имел права этого требовать.

— Что?! По-хорошему??? — орал дядька на шустрилу-адвоката, у которого «деньги не пахли». — Я с этой воровкой никаких хороших разговоров больше вести не намерен!!

Вот так. И точка!

И осталась бы тетка Дина не при своих, если бы не я. Дядя Петя в задумчивом разговоре поведал мне, что Дина, конечно, сама не вселится: во-первых, все-таки стыдно; а во-вторых, знает она, что не даст он ей ни минуты покоя.

— Вот так и буду ходить за ней по пятам и повторять: «Верни деньги, обманщица!» Изведу! И свою часть квартиры продать, как сейчас делают разные твари, она тоже не сможет! Ей ведь тогда нужны оригиналы документов на жилье, а я разве дам? Хрен с маслом!!!

Я все это передала тетке, и она пригорюнилась. Но я же и утешила:

— Тетя Дина, если нельзя продать, то сдать-то можно!

— Как, как ты сказала? — взбодрилась она.

— Сдать внаем. Имеете право! Ну вы же знаете, как! Тогда бумажка только одна нужна: договор с жильцами.

— Гениально, дорогая! Вот я всегда говорила, что у тебя — мозги на месте. А я уж найду кому сдать. Выкурю этих голубков, как клопов поганых. Тогда разменяются, куда денутся!!

— Или купят у вас вторую половину, — кивнула я.

— На какие шиши? — ухмыльнулась тетка. — У него теперь не хватит ни на что, я точно знаю.

— У него — да, но у его красавицы — как раз именно столько, сколько стоит ваша доля.

— Откуда знаешь? Ты уверена? — заинтересовалась Дина.

— Знаю. Она мне по-дружески сама себя заложила. Свою квартиру ведь продала, когда решила с дядей Петей сойтись. Уверена, видите ли, что никогда назад не вернется.

— Да, дура истинная! — обрадовалась тетка. — Ведь могла бы сдавать, и все. Денежки, знай себе, капали бы. Вот как у меня было...

И тетка пустилась в воспоминания. Наговорившись вдоволь, она заключила:

— В общем, устрою я им цирк на проволоке, а все равно по-моему будет.

И устроила, конечно. Очень скоро к Петеньке с Асенькой заявился коренастый молодой мужик, который предьявил обалдевшим хозяевам «Договор о найме» и, особо не мешкая, въехал во вторую комнату вместе с семьей: с женой и грудными девочками-близнецами.

К тому же, новые жильцы оказались людьми напористыми и непробиваемыми и, как все люди из глубинки, отлично умеющими качать права.

Тетенька Ася рыдала у меня на плече, а дядя Петя, интеллигентный доктор, выдавал такие словесные построения, что позавидовал бы любой взломщик сейфов. Припав к другому моему плечу, на другой день мне изливала душу тетка Дина:

— Все силы положу, а им спокойной жизни не дам!! Все сердце мое измучилось! Пусть теперь знают!!!

Так и было с месяц, что ли. А потом получился небольшой прокол. Дело в том, что тетка Ася — странная до невозможности! — вдруг ни с того ни с сего, вопреки логике любого нормального человека, взялась лечить малышек этих квартирантов. Она ведь педиатр, а девочки подхватили где-то серьезную простуду, да обе сразу!

Я бы на ее месте только порадовалась, что те, которые мне мешают, ищут пятый угол, а она — нет. Взялась за них как за своих, выходила на славу. И подружилась с врагами!!!

Вот жиличка Асе по-доброму и посоветовала: мол, откупите лучше у Дины что положено, она ведь ни за что не отступится. Грозилась, что так и будет годами подселать: не одних, так других. Уступите, дескать, лучше, как раз денег Аси, за прежнюю квартиру взятых, хватит.

— Про мои деньги ты от Дины знаешь? — тут же врубилась Ася. — А ей кто доложил?!!

И тут, конечно, все выяснилось. В курсе дела была только я, и больше никто! Тогда-то дядька мне и позвонил со своей лекцией о выборе в жизни каждого человека.

Вот лишний раз я убедилась, что в любых делах — не бывает мелочей! Надо было строго-настроено, десять раз предупредить тетку Дину, чтобы не сболтнула ничего ненароком. Ну вот к чему каким-то там квартирантам выкладывать все подряд?! Им-то ни жарко, ни холодно.

Я, конечно, потом объяснила все это тетке Дине, да что толку?.. Поздно. Теперь кто ей будет рассказывать, как у Пети с Асей жизнь протекает? Кто подскажет, кто поможет, если мне туда хода больше нет?

— Пустяки, — отмахнулась тетка. — Главное, что я их крепко на аркане держу. Если не откупятся, то так и будут до скончания века с жильцами толкаться задницами на тридцати метрах!

Дядька Петр и сам это прекрасно понял, и пришлось-таки «молодоженам» все денежки Аси передать в цепкие ручонки тетки Дины.

И теперь мне — дуля с маком?! Уплыла моя будущая квартира...

Но я, однако, утешилась тем, что у тетки Дины тоже много чего есть: и деньги и квартира-«сталинка». Она по суду не делилась (тоже наследство). Вот как повезло.

«Ладно! — мыслила я. — С дядькой «пролетела», но зато тут!..»

Ведь благодарность Дины, кажется, не имела границ. А я еще и усилила свою заботу и нежность втрое.

Но вот что удивительно: тетка быстро стала терять ко мне интерес. Я сообщила: ей-то всегда надо было знать самые свежие новости! Я же чуть ли не каждый день подробно, в красках все расписывала про Петю с Асей, и мы вместе смаковали каждый их жест и каждое слово. Дина, млея от наслаждения, по сто раз переспрашивала, как парочка психует, как лезет на стенку от ее действий.

А тут — сразу все кончилось. И даже Аськины деньги ее больше не радовали. Тетка Дина сделалась невыносимой, раздражительной, без конца ворчащей. И походка изменилась: тетку как будто перекособочило от злобы, и она не ходила, а металась, припадая на левую ногу. Ужасно хамила всем, кто попадался на дороге. Раздайся, море, жаба плывет!

Но я терпела. Пройдет! Чисто по-женски это можно понять. Я бы тоже отомстила, да в сто раз больше. Убила бы эту Аську! Ишь, любовь у них...

Я все искала, как же Дину отвлечь и успокоить:

— Тетя Дина, у вас теперь все будет хорошо! С такими средствами — живите в свое удовольствие, радуйтесь.

— Чему?!! — взбеленилась Дина. — Чему, по-твоему, я должна радоваться???

Тому, что эти твари теперь в шоколаде, а я — в полном дерьме?!!

Здрасьте-приехали... В каком они шоколаде?! Столько потерять!..

— Ходят по улице как голубочки, за ручки держатся! Видела я их, видела!!

Аж светятся, сволочи!.. Все равно ведь вручке они, и даже в той же квартире, где я жила!! На моей кровати, в моей спальне!!!

Я попробовала было сказать, что, однозначно, отлично тетка Дина их приземлила, столько денег забрала. Что так им и надо! Небожь, ни днем ни ночью покоя нет, так этих денег жалко!

— Да ни хрена им не жалко, дура ты!! — аж зашлась тетка Дина. — Говорю же: видела я их! Они меня не заметили, я из-за киоска подсматривала. Он ее, значит, за плечики приобнял, на ушко что-то шепчет, улыбается, старый кретин!! И она — лыбится в ответ, как будто по миллиону в день получает! Люди кругом, а им плевать, как будто они одни на свете! А потом она его по плечу погладила, и в губы — чмок! Понимаешь?!! Если они на улице чуть не тра..., что же тогда наедине, а?!!

И яростно набросилась на меня:

— Ты-то мне что плела, девуля?! Что???? Что они страдают, переживают, что у них только и разговоров, как они выкручиваться будут!!! Да?!!! А им хоть бы хны!! Деньги? А что деньги?? Мне их теперь хоть в зад запихивай, легче не станет!!! Они-то вместе, понимаешь?!! И при этом еще и счастливые! А я?! Кому нужна я??? И деньги мои, кстати, — кому они пойдут, а?!

— Как кому? — даже не поняла я. — Я же вас так люблю, тетя Дина! На все для вас готова!..

— Да ты любого любишь, милая, у кого с наличностью порядок! — отрубил тетка Дина. — Что ж ты, такая хорошая, сразу, когда твой дядечка заявил, что меня бросает, не плюнула ему в харю, а?!! Почему не заступилась за меня, не высказала ему ничего?!!! Ведь могла бы чисто по-женски его пристыдить, тебя ведь тоже в свое время муж бросил! Или уже забыла, как это тяжело?!!

Я даже окончила от неожиданности. Вы такое видели?.. При чем тут мой неудачный брак?.. А как же мои старания, моя помощь? Если бы я не ходила к дядьке, хрен бы что у Дины вышло!

— И без тебя бы справилась, не надо песен! Тоже мне Штирлиц! Меня не проведешь, я тебя насквозь вижу: хотела и нашим, и вашим?! А Бога-то не обманешь, он все-о-о-о видит!!!

Так, теперь и Бог у нее на подхвате! Да... Чувствую, плохи мои дела.

— Если б та дурында, жиличка, не проговорилась, ты бы, небожь, до сих пор туда бегала на пироги?! А вот нет, за все надо отвечать! Надо вовремя выбор делать! Что? И эта — про выбор?!!

А Дина добила:

— В общем, так. Не ходи ко мне больше. В конце концов, у меня родная кровь есть, сын сестры. А ты мне никто! Вот и отправляйся к своему дяде Пете и целуйся с ним.

И мне ничего не оставалось, как подняться, забрать сумку и «покинуть помещение», как приказала тетка Дина.

Да... Если человек подлый, то во всем! Кому я поверила, кому?!! Тетке Дине??? Я такая же лохушка, значит, как и дядя мой. Нет, я еще хуже, потому что тупее!!

Одно хорошо, что я ушла не молча. Хоть не так обидно!

Переступая в последний раз порог второй провороненной мною квартиры, я решила поставить и свою жирную точку. Пусть помнит, гадина!

— Неудивительно, тетя Дина, что Петр вас бросил. Удивительно, как он с вами жил, с такой падалью. А его Ася — умница и красавица, с вами не сравнить.

Тетка аж захлебнулась, настолько удачно я прицелилась. Выбор, говоришь? Получи, раз просишь.

— Ах ты... Ах ты... — она даже выскочила следом.

— Ах я, ах я, ошейник бугая!! — нахально пропела я ей прямо в морду и шмыгнула в лифт.

Отъезжая, слышала тетушкины проклятья, но они меня уже не волновали. Пусть хоть перила изгрызет.

«Налево пойдешь — коня потеряешь. Направо пойдешь — меча лишишься. Прямо пойдешь — буйну голову сложишь...»

Много болевшая баба Нюра любила рассказывать мне сказки, и особенно эту. А меня всегда интересовало, что же это за сказка такая странная, где нет нормального пути? Баба Нюра смеялась и отвечала:

— А в жизни всегда так! Без потерь не бывает... Но выбирает человек всегда сам, у каждого — свои придорожные камни.

Бабушка вообще часто говорила загадками, но я, хоть и была мала, хорошо все понимала и мотала на ус.

— Баба Нюра, а ты куда бы повернула в той сказке?

— А куда ни поверни, детка, всюду борьба. Главное, я думаю, на любой дороге — себя не уронить, а там как Бог даст, на все его воля.

— А я бы — налево!!

— Почему? — удивлялась баба Нюра.

— А потому что там — «коня потеряешь», а я пешком бы пошла, без коня!

— Хитро, — соглашалась бабушка. — Но то ж ты! А богатырю — ему без коня никак нельзя. И без меча он не боец, а уж буйну голову сложить — совсем плохо.

— Но ведь в сказке всегда все хорошо кончается, куда б ни поехал. Почему?

— Это только в сказке, — вздыхала она. — Вот подрастешь — сама увидишь.

...Баба Нюра умерла, когда мне было двенадцать лет. И умерла не дома: когда она стала совсем плоха и окончательно слегла, моя мама (по знакомству! Иначе — «очередь бесконечная»...) срочно определила ее в дом престарелых. И с тех пор, почти четыре года, мы ее и не видели. Узнали только о смерти, когда маме позвонили «по поводу похорон».

Мама торопливо согласилась, что пусть дом престарелых сделает все сам, надо лишь приехать проститься. Родители взяли на работе по отгулу, а меня оставили, и на этом все кончилось. Как я потом поняла из разговора, им пришлось все-таки оплатить часть расходов, и папа от этого ужасно злился.

— Мы и так немало выложили, чтобы тещу нормально устроить! Это просто грабеж, я буду жаловаться!

Мама, в общем-то, соглашалась, что да, непорядок, но насчет «жаловаться» — не поддержала. Она прикинула, подсчитала, что и так неплохо вышло, самим хоронить — так дешево не обошлись бы.

— Да и все-таки, Вовик... Мать она мне, понимаешь? Зачем склоку заводить?

На том и порешили.

...Я тогда еще, давно, когда только бабушку увезли, спросила маму, зачем мы ее отдали? Мама ужасно рассердилась, но все-таки решила растолковать:

— Ну вот, скажи: кто из нас будет за ней ухаживать?! Мы с папой на работе с утра до ночи, ты — в школе. Ты что, хочешь с ней возиться?! А ведь это ох как непросто: надо с ложечки покормить три раза в день! А мыть?! Как ее мыть, ты подумала? А если в туалет она захочет, а? Будешь за ней стирать, подтирать? Если, например, по-большому прямо в постель навалит?!

Меня передернуло: нет, конечно! Не буду!..

— Ну вот видишь! — взвизгнула мама. — И я не буду. Не могу! Да и некогда... А в санатории (мама упорно называла приют «санаторием») условия прекрасные, за каждым отдельным медсестра ухаживает целыми днями! Там есть и с кем поговорить по-стариковски. А здесь?! Что же она целыми днями сама с собой разговаривать будет? А вдруг ей неожиданно плохо сделается — и что?! Кого тут звать днем? А там каждую минуту наблюдают. И, между прочим, чтобы в этот санаторий попасть, люди по десять лет в очереди маются! Нам еще повезло!

И моя маленькая совесть абсолютно успокоилась. Действительно, раз уж там так все продумано! Одного я не могла понять: почему мы к бабушке никогда в гости не ездим? Ведь мама ей обещала... Но этот вопрос я не задавала, ведь когда ездить-то? В выходные — всегда куча дел, и отдохнуть как следует не успеешь, не то что переться еще куда-то к черту на рога. Да и папина машина именно в выходные, как назло, требовала то ремонта, то профилактики, а своим ходом — «только дураки ноги бьют», как говорила мама.

Правда, еще можно было приехать во время отпуска или каникул, но как-то все не складывалось: то одно, то другое. И все — срочно! Что же делать, это жизнь.

«Да и зачем мы ей там? — однажды подумала я. — Что от этого изменится? Лишнее...»

Похоронив бабушку, мама долго еще, месяца два, всем жаловалась, какое горе ее постигло, и носила скорбное лицо. Потом перестала. Папа же ничего особенного не ощущал и иронически советовал маме «не устраивать спектакли», ибо в ее «боль» не верил совершенно. Мама шумно обижалась:

— Как ты можешь!!!

Однако я видела: папа прав. Честнее ничего не изображать, если ничего не чувствуешь.

— Вот Инга — молодец, — говорил папа про меня. — Не корчит скорбящую, ибо и не скорбит.

Мне лестно было, что папа считает меня прямой и искренней; но, однако, и маму я понимала: что люди подумают? Ведь это тоже важно. Пусть знают, как она переживает, какая это для нее утрата. Надо только вести себя чуть скромнее, не так показушно, тогда никто и не усомнится. В этом, как и во всем остальном, надо четко знать меру.

Поэтому я тоже сдержанно сообщила в школе, что у меня умерла любимая бабушка; меня даже в тот день отпустили домой... Ну и хватит, пора и честь знать.

Конечно, это, по сути, была моя единственная «действующая» бабушка (папины родители жили очень далеко, и мы почти не виделись). Я помнила, что меня баба Нюра любила, возилась со мной до самой школы, и ее смерть была мне неприятна. Пусть бы еще пожила!

Я даже хотела потом попросить маму съездить на могилку, но как-то опять все не складывалось, не состыковывалось. Так постепенно желание и отпало. Да и, правда, зачем?.. Бабушку ведь все равно уже не поднимешь.

А когда мне исполнилось пятнадцать, с папой случилось несчастье.

— Доремонтировался!! — плакала мама.

Она всегда была недовольна, что папа столько возится с машиной. Все свободное время отдавал гаражу, а не семье.

— Если б любовницу завел, то, наверное, я не так бы ревновала, — укоряла мама.

Но это, конечно, преувеличение: любовницу мама просто убила бы. Она однажды отгаскала за волосы соседку, когда папа зачастил туда: то кран отремонтировать, то карниз прибить... У той, видите ли, некому — разводная. Такая себе Ольга Петровна: глазки, губки...

— Я тебя инвалидом первой группы сделаю! — орала мама на Ольгу.

Папа немедленно прекратил визиты, а Ольга Петровна съехала по обмену.

— Истеричка ты! Ведь не было же ничего! — оправдывался папа перед супругой.

— А я для профилактики! — не сдавалась мама. — Ты же своей машине все делаешь, чтобы лучше ездила. Вот и я так же, для уверенности.

Больше этот вопрос не поднимался, и теперь папа отлучался только в гараж. Там подобралась хорошая компания, и можно было спокойно, без «стояния над душой», и выпить, и поговорить «за жизнь».

И вот однажды отец полез на крышу гаража (вроде протекала), а потом, спускаясь по лестнице, оступился и грохнулся вниз с верхней ступеньки. И так неудачно, что безнадежно повредил спину. Позвоночник — это не шутка.

— Это только Вовик-придурок мог умудриться расшибиться так, как будто его с самолета уронили, а не с лестницы упал! — с ненавистью прокомментировала мама, когда к ней прибежали с новостью. — Будет знать, алкоголик!

Мама была уверена, что отец «повалится да и очухается», но, когда в больнице ей сообщили, что муж вряд ли когда-нибудь встанет, совершенно растерялась.

— Это рок какой-то, не иначе! — бормотала она, носясь по дому из угла в угол.

Я подумала, что мама, наверное, тоже устроит папу в какой-нибудь «санаторий». Разве есть другой выход?.. Оказалось, есть. Мама позвонила свекрови и потребовала, чтобы родители забрали сына к себе.

— Вы на пенсии, у вас времени — вагон и маленькая тележка! А мне дочку поднимать надо, как вы думали?! На одну зарплату теперь!!! Что?! Вовкина пенсия по инвалидности? Вы что, издеваетесь?! Это гроши!!! — все на лекарства уйдет, да еще и не хватит! Мне что, погибать из-за вашего пьяницы?!!!!!

И не прошло и трех дней, как дедушка действительно приехал. Папу погрузили в машину, и он отбыл в надежные руки. Когда я его на прощание целовала, то заметила, что он плачет.

— Ну ты чего, пап?.. Вылечишься еще! А я... я приеду скоро!

— Нет, — прошептал он.

Что «нет» — не вылечится или не приеду, я не поняла. Но оба «нет» сбывлись полностью: через год отец наглотался каких-то таблеток, и его не стало. Видно, не захотел больше жить...

На похороны мы не ездили.

— Зачем?! Чтобы мамаша его мне гадостей наговорила? — тут мама была железно права, ведь бабушка не так давно прислала длинное письмо, в котором назвала и маму, и меня «большими негодяйками».

...Ну, значит, царство небесное усопшему. А не надо было на крышу лазить!

— Сам, козел, виноват! — припечатала мама. И тема исчерпала себя окончательно.

Мама утешилась довольно быстро, и в нашей квартире появился дядя Слава. Правда, он оказался младше мамы на целых десять лет, но по виду — не скажешь: крупный, большого роста, горячий южный мужик.

Мама сказала мне, что официально замуж не собирается, вполне достаточно гражданского брака. Хотя я была уверена, что это сам дядя Слава (когда мама не слышала, я называла его просто «Славик») не хочет идти в ЗАГС. Зачем ему? Прописка имеется, деньги он зарабатывает неплохие... К тому же Славик находился в разводе и платил алименты на двоих детей. И что, нужна ему новая жена? Как зайцу барабан!

Мама, судя по всему, втрескалась сильно. Начала тщательнее следить за собой, сделала молодёжную стрижку и даже вошла в «мини». Думала, что этим скрывает возраст, а на самом деле выходило ровно наоборот. Лично у меня так и вертелось на языке: «Дура старая!!» Что ни говори, а нельзя выглядеть смешной.

Но мама упорно ничего не замечала, а иронические взгляды воспринимала как знаки восторга и зависти. Славик умело поддерживал в ней это заблуждение и, конечно же, добился многого.

Я, например, когда узнала, что маменька подарила своему разлюбезному машину папы, просто пришла в неистовство! В конце концов, это не только ее имущество, но и мое!!! Значит, когда мне надо, так денег не хватает, все «подожди» да «подожди». А ведь мне очень много требуется! А как этому орангутангу волосатому, так ничего не жаль!

Но я видела, что спорить с мамой сейчас — все равно что против ветра плевать. Только наживать лишние неприятности. А она тогда, чего доброго, назло мне может еще и не то отчебучить. Упрямая ведь, как ослица, и такая же неумная! — правильно папа считал.

И я решила действовать, а не ждать у моря погоды. Если я захочу, то этот сожитель предпочтет меня, а не ее; а дальше видно будет. Тем более что Славик и сам не прочь, я же не слепая.

Мама всегда приходила домой после шести, и была масса возможностей побыть с «дядей Славой» наедине, ведь он работал посменно в своем автосервисе и иногда отсыпался до самого обеда.

И вот однажды, только он глазки продрал, а я уже вернулась из школы. И сразу оценила ситуацию: пора! И как бы ненароком задев рукой его полуголое бедро (брисля в ванной), я не спеша повесила чистые полотенца и томно спросила:

— Поможешь мне в спальне белье поменять? Пододеяльник подержишь?

Надо ли говорить, что он уже через три секунды торчал рядом и «помогал», при этом активно подталкивая меня к кровати? Я сделала вид, что не могу устоять перед его обаянием; и если бы мамуля слышала мои стоны и вскрикивания, то поняла бы, что такое мастер-класс по сексу. Я хорошо понимала в этом толк, и Славик немало удивился: не ожидал.

— А я думал, что ты неопытная, — признался он.

— Так оно и есть! — возмутилась я. — Ты что, не понял?!

— Нет, я... Но ты такая! Такая!..

— Это потому, что мне было очень хорошо. Ты молодец! А я-то, глупая, боялась! Мне говорили, что первый раз — это ужасно неприятно... Я тебя обожаю!!

— Да? — воспарил он. — Ах ты моя куколка!

И наши отношения пошли по нарастающей. Мама ничего не замечала, да и мы были предельно осторожны.

Не знал Славик, конечно, что опыт секса я приобретала не с ним... А с ним — умело делала вид, что «учусь» и «раскрываю свой потенциал». И якобы от любви и страсти становлюсь с каждым разом все способнее и способнее. Он прочно сидел у меня на крючке, и я только посмеивалась. Я четко знала, что моя перезрелая родительница ни в какое сравнение со мной не шла.

Я частенько вспоминала (про себя, конечно; я не идиотка, чтобы делиться подобным), как началась моя половая жизнь: это было еще в седьмом классе.

У нас тогда появилась новенькая, второгодница Светка Кулакова (фамилия — не в бровь, а в глаз!), и ее посадили со мной. Мы быстро подружились, потому что Светка оказалась компанейской, нежадной и шустрой, а мне это нравилось. И вот однажды я пожаловалась ей, что родители почти совсем не дают мне карманных денег:

— Представляешь, они считают, что у меня есть все, что нужно. А, может, мне хочется чего-то такого... своего, понимаешь?! И чтобы я сама могла купить.

— Понимаю, — оживилась Светка. — У меня та же песня. Но выход я давным-давно нашла сама!

(Да, денежки у Светки были всегда, чему я немало завидовала.)

— Поклянись, что никому не скажешь, я тогда и тебя научу. Всегда будешь в порядке.

Светка никогда не ляпала языком попусту, и я тут же дала слово молчать.

— Тогда завтра покажу и научу, — пообещала Светка. — Оденься только понарядней, глазки подведи. Поняла?

Я, конечно, до конца сначала не «въехала», но назавтра, когда мы пошли «на дело», Светкины указания оценила.

— Сейчас я начну, а ты сначала только смотри, — велела Светка. — А когда я уйду, подожди меня, я через полчаса вернусь. Наблюдай внимательно, и все поймешь, ты сообразительная.

Мы пришли в сквер, и Светка уселась на скамейку в начале аллеи. Я примостилась на лавочке напротив. Очень внимательно смотрела, как Светка, заложив ногу за ногу, подпернула повыше свою и без того короткую юбку, и ее длинные ноги стали видны чуть ли не до талии.

Ух!.. У меня даже дух захватило, до чего вызывающе Светка расселась! А она достала длинные дамские сигареты и картинно закурила. При этом не вертелась и не сутулилась, но видно было: не прочь завести интересное знакомство. И оно не замедлило!

К Светке подсел довольно приличный мужик (правда, старый: точно за пятьдесят; фу-у-у...), они перебросились парой фраз — и через минуту поднялись и ушли. Я поняла. Все поняла — и восхитилась. Смелая какая!

Я с нетерпением поджидала Светку обратно, и она действительно вернулась довольно скоро. Пришла и села рядом.

— Ну ты даешь!! — Я с восторгом схватила ее за руку. — А за сколько?

— Это как договоришься, — деловито пояснила она. — Чем старше, тем больше, естественно.

И назвала сегодняшнюю цену. Я не поверила даже: и это только за один раз?!

— Я больше трех раз в неделю не работаю, — продолжала Светка. — И мне достаточно.

Еще бы не достаточно! Ух ты!!

— А я смогу? — засомневалась я.

— Ты не хуже, — заверила Светка. — Да ведь дело и не во внешности, понимаешь? Главное, вести себя правильно. Ну, ты же видела! Я, между прочим, никогда больше десяти минут не жду, сразу клюют.

Она еще пояснила, что деньги надо всегда брать наперед, а то ее один раз обманули. И второе: соглашаться идти только с трезвыми и чистыми мужиками. И чем старше, тем надежнее.

— А не противно? — уточнила я.

— Ой, я тебя умоляю! Все они одинаковые, хоть старый, хоть молодой... Глаза закрыла, три минуты потерпела — и все. Привыкнешь.

Я долго не отпускала Светку, все расспрашивала. А она терпеливо учила, где и как лучше. И много еще чего. В общем, я за час узнала все тонкости профессии. Напоследок Светка сказала самое главное:

— Работай по чуть-чуть, не жадничай. Место меняй все время! А то взрослые проститутки могут навалить, мало не покажется. С ними не связывайся, ходи в одиночку. И никому не признавайся, чем занимаешься, поняла?! Я-то тебе верю, поэтому и помогаю. Но если, не дай бог, брякнешь про меня — отопрись и в лицо тебе плюну.

— Да что ты, что ты!!!

В этот день я пока не рискнула попробовать, еще целую неделю набиралась смелости. А потом сказала Светке, что готова.

— Удачи! — кивнула подруга.

А я, видно, и правда уродилась цепкая и сообразительная, как правильно высчитала Светка. С первого же раза вписалась что надо. Помню, как сейчас тот первый выход: подошел молодой мужчина, поговорили. Я назвала цену и сказала, что деньги вперед.

— А если обманешь? — усомнился он.

— Мне ни к чему клиента терять, — твердо заявила я. — Вдруг ты захочешь стать постоянным!

Мужик тут же согласился и вынул бумажник, рассчитался. Потом мы сходили в одно место, недалеко (Светка четко научила: никогда не соглашаться ехать в машине, только пешком и только близко: техника безопасности!). Мужик получил свое и остался доволен. Только смеялся:

— Так ты, оказывается, в первый раз! А я и не догадался, думал, бывалая!

Он еще и доплатил мне «сверху»:

— За чистоту!

С почином, в общем. И Светка меня похвалила. Потом я это проделывала без волнений. Жаль, что Светка вскоре ушла от нас. Они переехали далеко, и мне стало не с кем делиться.

...Так вот, наш со Славиком роман был в самом разгаре, когда я потребовала:

— Дорогой, а тебе не кажется, что настоящий мужчина просто обязан делать подарки девушке, с которой спит? Ты же не на пособие от безработицы живешь.

Он смутился. Ну да, мамочку-то имеет бесплатно; та и сама рада его одаривать. Но, спасибо, понял, дважды не пришлось повторять. И я стала регулярно получать все, что хотела. Иногда — просто деньги, если фантазии не хватало. С чего мне свое терять?!

Маме, которая видела у меня новые вещи, я убедительно объяснила, что за мной с размахом ухаживает одноклассник (я как раз заканчивала школу), сын о-о-очень состоятельных родителей.

— О! — воспарила мама. — Молодчина, держи его крепче! Может...

Ишь, надеется сбить меня с рук, чтобы только с одним Славиком в квартире остаться!

Наш с мамой любовник был прописан у своей бывшей жены. Размениваться он не хотел, видите ли. Ведь там его дети. Ишь, какой благородный!! А если он, не ровён час, все-таки решит жениться на моей мамочке и пропишется у нас?! Нет уж, хватит с меня подаренной машины.

А Славик между тем начал потихоньку-полегоньку намекать, что пора нам уже прекратить отношения. Некрасиво, мол. Какие мы оба обманщики, вах-вах-вах!

Ах ты конь! Все ясно. Не ошиблась, значит, я с его планами на прописку. Ладно!!!

И я заявила ему, что беременна. Получите-распишитесь, милый-дорогой! Он от ужаса чуть на стенку не полез: я ведь несовершеннолетняя. Ага!

— Только маме не говори, только не говори!!! — чуть не ползал он в ногах. — Я денег дам сколько хочешь! Аборт сделай, умоляю!! Я помогу, договорюсь!! Умоляю!!!

Было и смешно, и противно. Тоже мне джигит! Но жалеть его я не собиралась: — Значит, так: покупаешь мне квартиру — и инцидент, как говорится, исчерпан. Славик аж вспотел, заныл, запросился:

— Это все мои деньги уйдут!.. Я могу только очень маленькую... Больше денег нету, нету!!!

Ой, комедиант! Но я милостиво согласилась:

— Ладно. Даю десять дней. Если не купишь — и маме скажу, и ребенка рожу. Заставлю тебя платить алименты, не отступлюсь. На все пойду. И будет скандал, что ты жил с малолеткой!..

Славик сник: у него не было другого выхода.

Поэтому через две недели я — к огромной мамочкиной радости! — переехала в собственное жилье. Правда, крохотное. Мама была на седьмом небе от «бесконечной щедрости» все того же якобы одноклассника.

— Инга!!! Держись за него руками и ногами!! Вот повезло так повезло. Наверное, поженитесь!

Я делала загадочное лицо и улыбалась. Был месяц май: на носу выпускной, потом — сама себе хозяйка, да еще и с квартирой. Вот он, ум!

А Славик? Да хрен с ним, пусть мамочка им пользуется, мне не жалко. Он со мной расплатился, и я, долго не мучая, сообщила ему, что сделала аборт и что ему больше не о чем беспокоиться. На самом деле — беременности, конечно, не было.

Как только я переехала в свою квартирку, мама сразу перестала мной интересоваться. Теперь — Славик, Славик и только Славик! На него она почти молилась.

Закончив одиннадцатый класс, я не стала никуда поступать. Во-первых, с моим аттестатом — это можно только на коммерческой основе, а кто будет платить? Славик? Но я же человек честный: он мои условия выполнил, ну и хватит.

А, во-вторых, зачем куда-то вообще поступать? Мне учеба и в школе до смерти надоела, какой от нее толк? Чтобы жить и забот не знать, надо просто хорошо устроиться: если уж и не замуж за богатого, то хотя бы в любовницы, а там видно будет. И тогда за свое будущее можно не опасаться.

Хватит, в самом деле, на скамейке работать. Пока шло все гладко, но по закону больших чисел — однажды я обязана была нарваться на что-нибудь ужасное. Я нутром это чувствовала! Своим приметам я доверяла четко, и все указывало на то, что с интимными услугами пора завязывать навсегда. Пусть это останется воспоминанием ранней юности, такой себе скелетик в шкафу без права показа.

И что вы думаете? Мое уникальное чутье меня не подвело. Вскоре в нашем городе стало известно о нескольких страшных убийствах, совершенных, как передавали, сексуальным маньяком. Он приглашал к себе молоденьких девушек, страшно насиловал и убивал. Что за девочки? Заманивал он их или сами шли?.. Мне стало по-настоящему жутко, до обморока. Я-то как раз сама бы пошла, добровольно, и уговаривать не надо! Ведь говорят, что маньяка с виду никогда не распознаешь. Они-то и есть самые приличные... Так что вовремя я соскочила!

Итак, квартирка грела мне душу, а маме я сказала (чтобы отстала с расспросами и советами!), что моим отношениям с богатым юношей пришел конец. Что он, изменник, полюбил другую. Мама расстроилась, что теперь он заберет «подарок», но я объяснила, что для него — это мелочь, не стоит возиться, и квартирка так и останется мне. И она моментально успокоилась:

— И то хорошо! Найдешь себе кого-нибудь получше!

Вот именно, найду. Еще от зависти лопнут все.

И я, проявив активность, устроилась секретаршей в одно неплохое местечко. Мне что понравилось: работы немного, а важно другое — надо быть лицом фирмы. Я отлично поняла, что к чему, и идеально вписалась в обстановку. Я ловко управлялась с компьютером (единственное, чему я хорошо научилась в школе!), и, можно считать, что даже получала удовольствие от работы.

А самое основное — приловчилась до тонкостей чувствовать настроение шефа. Я очень наблюдательная: изучила жесты начальника, его интонации и точно знала, когда и что надо сделать или сказать. Он даже спросил однажды:

— Ты что, телепат?..

Растерянно спросил. А что тут особенного? Я же видела, что он приехал на работу с большим опозданием. И взгляд потухший, голова опущена...

Он — в кабинет, а я — к холодильнику: лимончик нарезала, коньячку плеснула в любимую рюмочку. И на подносе внесла, тихонько так. Поставила перед ним и душевно посоветовала:

— Не принимайте близко к сердцу, Владлен Игнатович! Я сейчас вам еще кофейку сварю, отдохайте. А я пока буду всем отвечать, что вас нет. Все наладится!

Обыкновенная бабья мудрость, очень советую. А он чуть не расплакался. Как дитя малое! Мужики — они ведь наивные до смешного, хоть и уверены, что намного проницательнее нас.

Вот так и стала я для своего шефа чуть ли не первым другом и советчиком. В любовницы, правда, почему-то не звал, хотя я была давно готова. Ну ничего, ждать тоже надо уметь, время терпит.

И дождалась бы я, он уже поглядывать начал. Но тут — не повезло! Принесла нелегкая нового компаньона моему Владлену, а партнер этот — один из моих бывших парково-скамеечных. Оп-па!..

Он меня с порога узнал, осклабился. Я растерялась... Надо было сразу сделать вид, что вижу его первый раз в жизни, а я — от неожиданности сплеховала, заморгала. Хоть и быстро справилась с собой, но момент был упущен. Сердце заныло в тоске предчувствия. Хотела было попросить, что, мол, не надо болтать, отблагодарю! Но замешкалась, усомнилась: может, и сам не скажет? Ему-то какая разница?!

Но этот гад не смолчал. И потом, когда он ушел, Владлен Игнатович позвал меня в кабинет и брезгливо предложил:

— Вот что, Инга, давай-ка ты «по собственному» напиши. Ты мне тут с такими приключениями не подходишь, сама понимаешь. Мы — фирма серьезная, только-только в гору пошли.

Я не стала оправдываться, в тот же день и ушла. Одна из моих хороших черт — принципиально не унижаться и не просить. А то потом только противно, самолюбие страдает. И когда меня просят, я тоже терпеть не могу. Сразу теряю уважение! Не люблю слабаков.

Вот помню: в восьмом классе дело было. Отлупили мы втроем (я, Сашка Котов и Генка Марков) одну зазнайку из нашего класса. Взяла она, понимаешь ли, моду презрительно кривить губки, если кто слабо отвечает. Главное, сама с репетиторами английским занимается, шпарит как леди, а мы плевали с высокой горы на этот собачий язык. Нам лишь бы не «два», а там хоть трава не расти.

Так вот, ухмыльнулась она раз, ухмыльнулась два да и нарвалась. Подговорила я пацанов (мы одинаково ненавидели иностранний!), и мы подкараулили полиглотку вечером за домом.

Отметелили ее от души, нагешились за все. И предупредили: если скажешь маме-папе, кто бил, то отомстим страшно, сегодняшней день праздником покажется. А она только плакала и просила:

— Не бейте больше, никому не скажу!!!

И так противно было, не передать! Лучше бы кусалась, царапалась... Размазня! Я от отвращения в самом конце так ей по коленке саданула, что она хромала месяц.

Но и вправду ничего своим не рассказала, струсила. Они, наверное, до сих пор считают, что их чадо обидели тогда незнакомые хулиганы.

А губочки она больше не поджимала, нет. Наоборот: здоровалась с нами за километр и всем троим делала письменные «домашки» по английскому. Зауважала, значит, умница.

...Итак, работу надо было искать другую. Лучше всего, конечно, опять секретаршей.

Но это смотря где устроиться, ведь в каждой конторе — свои подводные камни. Да и риск есть: а вдруг опять кто-то вот так же узнает?..

Но, говорят, снаряд два раза в одну воронку не попадает, и я решила идти по знакомому пути. Пришлось по старой дружбе поднажать на Славика, ведь у него в автосервисе — постоянные клиенты с хорошими связями.

Славик тут же помог (вот как просто его шантажировать!), и я опять неплохо устроилась. Сам начальник оказался слишком уж верным и к тому же старым, на меня заинтересованными глазами не смотрел. Но зато заместитель его — то, что надо! И холостой, что значительно проще.

Я выведала, что у зама, Сергея Ивановича, есть девушка, с которой он давно встречается. Узнать, что она собой представляет, было делом техники.

Задача «отбить» была решаемая в два счета. Удивительно даже, как это до меня на Сергея никто не позарился? Девица его — такое себе ходячее пособие по гражданской обороне: ни кожи, ни рожи. Подруга детства! В одной, значит, песочнице лепили с Сереженькой куличики из дерьма. Это разве соперница?! Перестарок. А корчит из себя...

Сергей Иванович (я просто и мило спросила, можно ли мне сразу называть его «Сережей»?) торчал на работе постоянно, у меня на глазах. Тут и усилий на копейку: хороший макияж, «ударная» юбочка и загадочное лицо. И все!

Кандидат «поплыл» так быстро, что и сам не заметил. Он сразу стал моим любовником, причем был уверен, что это он сам меня соблазнил, а не я подстроила. Я произвела умелое впечатление о себе, как о личности непростой, умной и в то же время нежной, чуткой и эмоциональной, поэтому своей «победой» Сергей ужасно загордился. Мы начали встречаться открыто, и все в конторе стали считать нас парой.

Люсеньке своей Сергей тут же дал отставку, но она, хитрая бестия, заявила, что ждет ребенка.

Сережа пришел ко мне с этой новостью совершенно растерянный, а я в пять минут доказала ему, что это просто дешевый шантаж.

— И подумай сам, дорогой: что это за отношения, если любовь ушла? Какой она подлый трюк придумала, надо же!! Это, если хочешь знать, распоследнее дело — вот так удерживать мужчину!

Сергей нервничал, метался, ведь Люся твердо сказала, что рожать все равно будет. А признает он ребенка или нет — не имеет значения.

Ишь, простушка простушкой, а попала в точку: это и есть самое действенное средство! Мне чисто из принципа не хотелось упускать Сергея. Почему я должна нарушать свои планы?! Надо было срочно переиграть ситуацию, иначе разговоры типа «там же растет моя кровинка» мне железно обеспечены. Кому это надо?!!

И я отправилась к нахалке прямо на дом. Разговор у нас получился интересный! Она сказала, что после меня (так и сказала, паскуда!) ей Сергей не нужен и даром.

— Так чего ты тогда в него вцепилась, а?!

— Вы что-то путаете, я не собираюсь с ним даже разговаривать, а вы говорите — вцепилась.

Она мне так нагло и вежливо «выкала», что хотелось растерзать ее на куски прямо тут же. Ишь, интеллигентка какая!!!

В общем, я посоветовала ей не глупить и сделать аборт, тогда всем станет легче, и ей в первую очередь. Если она не хочет отобрать Сергея, то зачем ей «довесок» от него? К чему ставить крест на личной жизни? Вот чисто по-человечески я ей это сказала, по-хорошему.

А она посмотрела на меня так, как будто я — кусок навоза. И снизошла, как рублем одарила:

— Ребенок не виноват ни в чем. Он уже есть, и он будет жить. Так и передайте Сергею Ивановичу.

То есть это она еще и решила, что меня к ней Сережа прислал?! Ну вообще...

— Слушай, курица безмозглая!! — Она довела меня до настоящей ярости. — Если деньги на аборт надо, ты получишь! И моральную компенсацию, между прочим, тоже! Сколько ты хочешь?! Просто назови сумму, и хватит выкаблучиваться! К чему эти игры в кошки-мышки, когда мы прекрасно друг друга понимаем?!!

— Я-то вас понимаю, — кивнула она. — А вот вы меня никогда не поймете, не тратьте силы.

И, главное, опять — спокойненько так, вроде решает, какие ей туфли купить, а не судьбу сама себе через колено ломает.

— Ах-ах, не понимаю, значит, я?! Да я тебя насквозь вижу!!! Родишь и будешь Сергея изводить, лезть ему на глаза как бы невзначай со своим ублюдком! А он тебя не любит, понимаешь?! Не любит!!! Гордость надо иметь!

— Да не беспокойтесь вы так, — улыбнулась она. — Я на днях уезжаю навсегда, и очень далеко. Никогда Сергей не увидит своего ребенка, уж об этом я хорошо позабочусь!

Ну так бы сразу и сказала, а то...

— Слава тебе, господи! — воскликнула я. — Значит, ты гордая, это плюс. Только не врешь ли, дорогая?

— Я вам ничего не собираюсь доказывать, — усмехнулась она. — Даю вам слово, что мы с вашим (она нарочно сказала «с вашим!») любимым никогда и нигде не пересечемся.

...Интересно, а куда же она подается? Сергей говорил, что у нее родители в каком-то дальнем поселке живут. Туда, может?

— Тогда скажи Сергею, что уезжаешь и сделаешь аборт! — предложила я. — Чтоб потом не искал свое чадо.

— Да сами и скажите, что хотите, мне все равно.

Крыса тупая! С какого перепугу я должна Сергею признаваться, что была у нее?! Да ладно, придумаю что-нибудь. Главное, цель достигнута. И пусть катится поскорее!

И я сказала:

— Вот и договорились. Он тебе, наверное, позвонит, так ты подтверди.

— Конечно. Как не помочь хорошим людям?

(Ладно-ладно, ухмыляйся, стерва. Все равно я победила.)

На том и расстались, а вечером я, как бы невзначай, сказала Сереже:

— Я случайно узнала, что Люська хочет сделать аборт и уехать к своим.

— Да?.. — изумился он. И непонятно было, рад или нет. Ведь он уже вроде как привык, что у него должен родиться ребенок.

— А ты сам спроси! — рассердилась я. — Думаю, ты имеешь право знать, как твои дела решаются!

Он ничего не ответил, но на другой день я уже по его лицу поняла: звонил. Я ничего не спрашивала, зачем лишний раз обсасывать тему? В его глазах, по-моему, явно читалось облегчение и некоторое неверие, что проблемы больше нет. Или сожаление?..

Нет, о чем жалеть? Он же меня любит, вот меня и выбрал. Поставил точку — и молодец.

Вспомнила я, кого мне эта Люська, Сережкина бывшая, постоянно напоминает! И, главное, даже внешне немного похожа, не говоря уже про голос, речь... И еще — есть что-то неуловимое.

Жила с нами на одной площадке семья: мама и дочка, Голубевы. Мои родители с соседкой не общались, только здрасьте-до-свидания, а вот с Анькой Голубевой, моей ровесницей, я даже дружила. Торчали мы то у меня дома, то у нее еще с горшкового возраста.

Моя баба Нюра Аньку привечала, называла «тезочкой-козочкой» и часто рассказывала свои сказки нам обеим. Анькина мама, тетя Наташа, бабу Нюру очень благодарила за такое внимание к своей дочке, и бабушка часто говорила моей маме, что она соседей любит и жалеет.

— Золотая душа у Наташки, дай ей Бог здоровья и хорошей судьбы! — восклицала бабушка.

Моя мама при этом делала губки бантиком и обязательно озвучивала, что не видит причины уважать какую-то там «мать-одноНОЧКУ». Она так часто это повторяла, что я однажды спросила у соседки:

— Тетя Наташа, а что такое «мать-одноночка»?

Та удивилась и смутилась:

— Ты где такое слышала?..

— Моя мама всегда вас так называет.

Тетя Наташа, я помню, охнула, закрыла лицо ладонями и замерла, покачиваясь:

— Господи...

И заплакала тихонько.

— Теть Наташа, вы чего? — поразились я.

— Я ничего, деточка, не обращай внимания, — она попыталась улыбнуться, смахнув слезы с ресниц. — Глаз чего-то зачесался..

Но я догадалась, что сказала обидное. У мамы спрашивать не стала, а задала тот же вопрос бабе Нюре.

Она всплеснула руками:

— Вот тебе, пожалуйста, наслушалась! Ты не смей больше эти глупости болтать, не смей!!

И добавила сочувственно:

— Это нехорошие люди только так говорят, а ты не повторяй. Если женщина одна, без мужа, ребеночка растит, то ей, значит, не повезло сильно, ее пожалеть надо, а не осуждать! Ты и сама взрослой женщиной станешь, и кто знает, как жизнь сложится?.. Понимаешь? Не бросай грязью ни в кого, нельзя так.

Мне было лестно, что баба Нюра говорит со мной, крохой, как с равной, и я торжественно поклялась:

— Обещаю впредь быть осмотрительной, теперь я в курсе дела!

Бабушка расхохоталась:

— Ой, не могу! Прямо начальница растет!

А я просто повторила слова мамы, которые мне однажды запомнились, потому что я не могла понять: в каком это КУР и почему мама сидела? Она же сама сказала: «Я в КУР сидела!» Интересно!

В общем, подрастали мы с Анькой обе и вместе пошли в школу, в один и тот же первый класс. Продолжали, конечно, дружить, хоть нас и посадили за разные парты, по принципу «мальчик-девочка». Мы часто вместе делали уроки, но Голубева училась хорошо и легко, а мне этот процесс осточертел быстро, и я давала себе труд только списывать у Аньки, и больше ничего.

И вот когда в седьмом классе к нам пришла Светка Кулакова (та, что научила меня легкому заработку на скамейке), я сразу увидела, что дружить с ней гораздо интереснее. Она была абсолютно раскрепощенная, более взрослая, что ли... Не то что Голубева, которая до этих лет еще в куклы играла: то шила на них, то вязала... Умрешь от скуки!

Но все-таки дружба с Анькой погибла не сразу: я долго пыталась ей пояснить, как со Светкой интересно, как много полезного она уже знает о жизни. Но Анька меня не очень поняла, а зря. Наоборот, стала меня сторониться!

В общем-то, Голубева мне становилась уже в тягость, и в этом охлаждении отношений я никакой беды не видела. Наш окончательный разрыв был легко предсказуем, но случился неожиданно.

А было так: на свой день рождения я пригласила тех, кого приглашала всегда (Аньку — самую первую!), плюс Кулакова. Светка, к моей радости, сразу согласилась, только спросила:

— А шампанское хотя бы будет? Или, как в ясельной группе, ситро, метро и барбариска?

Она заржала, и я тоже.

— Конечно! — лихо пообещала я. — И не только шампанское, но и кое-что еще!

И я (сама не знаю, как вырвалось!) сказала, что будет виски «Белая лошадь»... Я слышала, как отец хвастался приятелю, что ему подарили это за какую-то важную услугу.

Бутылка стояла на почетном месте в шкафу, в баре. Но открывать виски для Светки — было чистым бредом. А я лягнула!..

Всю неделю до праздника — я была просто сама не своя. Какая там «Белая лошадь», я и про шампанское брякнула сдуру! Кто мне разрешит?! И что теперь делать?..

Пришлось признаться отцу про свое обещание Светке... Я сделала это похитрому, то есть сначала, опустив печально глазки, поведала папе, что могу открыться только ему, потому что он один меня понимает, не то что мама... И папа, растаявший на глазах от доверия взрослеющей дочери, согласился:

— Ладно, шампанское я куплю. Но только одну бутылку, и только полусладкое!

Это была победа, и про виски, конечно, я и заикнуться не посмела. Понимала, какой это наглеж.

Я надеялась, что Светка про виски забудет, ведь шампанское-то есть! Но Кулакова не забыла, а съехидничала, когда увидела накрытый стол:

— Я так и думала, что про виски ты просто трындишь.

Я пропустила замечание мимо ушей, да и Светка не стала заикливаться: нет так нет. Она ведь пришла первой, вручила мне подарок — солидную купюру в конверте. Вот молодец! И теперь, в ожидании других, вела светскую беседу с моим папочкой, совершенно обалдевшим от длины Светкиных ног.

Второй явилась Анька, хотя ей идти — ровно четыре секунды. Но она никогда и никуда не опаздывала, такая уж уродилась. Она принесла мне подарок типично

в своем духе — самоделку. Вбила себе в голову сто лет назад, что лучшее — это «своими руками», потому что оно «от всей души».

Я всегда воспринимала это терпимо, потому что привыкла. Да и откуда у Голубевых деньги? Смешно.

Но в этот раз подарок вручался при Светке, которая тут же из любопытства «подошла глянуть». Я понимала, что ей просто хотелось сравнить, переплюнет ли кто-нибудь ее «конверт». Ну-ка!

И я, сгорая от стыда, наблюдала, как Светка двумя точеными пальчиками подхватила Анькино изделие — легкую ажурную кофточку, — оценила и, хмыкнув, возвратила мне, сопроводив комментарием, что вот, мол, какая гостья рукодельница! Хоть сейчас неси на рынок, с руками оторвут.

Сказала, конечно, с иронией, как умела только она. И вот говорю точно: самый крутой мат прозвучал не так бы обидно, как этот комплимент. Кофточка была красивой, что правда, то правда, но связанной из простецких недорогих ниток. И теперь, после Светкиных глаз, носить это не было никакой возможности. Она права: барахолка и есть барахолка.

Анька покраснела до корней волос, а так как она и по жизни была красно-рыжей, то лицо у нее практически слилось с прической.

— Раскраснелась красна девица, аки маков цвет! — подбавила Светка, снова якобы шутя.

Я понимала, в чем дело. Не в кофточке, конечно, шут с ней. А дело в том, что недавно наш молодой историк Юрий Петрович, в которого были влюблены все девчонки школы, в очередной раз вызвав Кулакову к доске, не просто поставил ей «кол», а еще и обидел до невозможности, потому что сравнил ее с Голубевой. Ну, не с самой Анькой, конечно, а с ее блестящими ответами и глубокими знаниями.

— А тебя, Кулакова, я и вызывать боюсь! — заявил он. — Горько и стыдно слушать твой жалкий лепет и косноязычную речь. «Типа конкретно, зуб даю!» — еще и передразнил он.

Светка и в самом деле разговаривала как уголовница, отмотавшая не один срок. Откуда только набралась?.. Думала, что круто, а на самом деле — коробило. Но никто не рещался ей об этом сказать: Кулакова могла и в челюсть заехать, «не отходя от кассы». Не рещалась, конечно, и я, а, наоборот, старалась разговаривать со Светкой так же точно. А тут...

Юрий Петрович еще и добавил, разозлившись на вечную тупость Кулаковой, что внешность — это далеко не все, и иногда яркая оболочка прямо пропорциональна яркости личности, ее имеющей. Вот именно так и сказал, слово в слово! Что в переводе означало: ну и дура ты, Кулакова, дальше некуда, ни рожа не поможет, ни ноги от ушей.

И я бы на Светкином месте возненавидела и историка, и Голубеву, чего там... Поэтому слова Кулаковой и ее манипуляции с Анькиным вязанием — я тут же мысленно одобрила, хотя вслух постаралась загладить.

— Спасибо! — сказала я Аньке с преувеличенной сердечностью. — Отлично связала, молодец! Проходи, располагайся.

Но Голубева внимательно посмотрела на меня и тихо сказала:

— Носи на здоровье. А остаться не могу, извини. Не хочу портить аппетит твоим новым друзьям.

И была такова. Нет, ну вы видели?! А еще и воспитанной себя считает! Но ушла и ушла, не бежать же за ней, правда? И Светка тоже согласилась, что бежать за Анькой унижительно.

— Она сама выбрала уход! — заключила Светка.

Тут стали подходить другие гости, и веселье удалось на славу. И даже хорошо, что Голубева не осталась, ну ее!

С того дня Анька упорно делала вид, что нас никак не связывают годы дружбы. А наоборот, что более безразличного ей человека, чем я, вообще нет на свете.

Она была холодно-вежлива, и на попытки улучшить отношения отвечала явным презрением, и мне надоело. Овчинка не стоила выделки: тоже мне счастье — нищая Голубева!

А потом, когда Светка уже не училась в нашем классе, я еще раз (искренне! от сердца!) хотела наладить отношения с Голубевой. Честно говоря, мне ее почему-то не хватало.

Но Анька и не думала возвращаться к старому, а назвала меня назойливой мухой, «которая слов не понимает». Ладно!! Я, значит, муха?! И это после стольких лет бок о бок?! Ну что же, лиса конопатая, я обид не прощаю.

Одним из самых любимых моих фильмов был мексиканский — «Есения». Это там обиженная героиня восклицает: «Я цыганка, а цыгане не учили меня прощать!»

Мне это до того понравилось, что я сделала фразу своим девизом. А ведь верно: почему надо кого-то прощать? Обидели — отвечайте.

Значит, и Голубева должна была получить достойный отпор. И я начала искать — как. А кто ищет, тот всегда найдет, тем более я. Чтобы я да не изобрела? Быть такого не может!

И я придумала.

В нашем классе математику преподавал Василий Кузьмич, уже старенький, но работающий пенсионер. Он был хорошим, опытным учителем, хотя с памятью становилось все хуже и хуже. Причем интересно: что касается его предмета, то тут он не забывал ничего, а вот фамилии учеников в его дырявой голове не задерживались. До смешного доходило! Например, Сашка Петров мог вполне назваться Мишкой Василенко, и хоть бы что: Василий Кузьмич примет за чистую монету! Сколько мы его дурили, не счесть.

Так вот, этот учитель имел одну многолетнюю привычку: если ему кто-то что-то недосдал или недоотвечил (например, раздался звонок, а ученик еще у доски, не успел решить), то Василий Кузьмич ставил в журнале точку. Эта точка означала, что до следующего урока — надо задолженность ликвидировать. Когда угодно, хоть и на любой перемене. Если же математик открывал журнал на новом уроке и видел незакрытые точки, он тут же превращал их в «двойки». Потому что, значит, не сдано!

И, конечно же, те, кто учился более-менее, бежали сдавать «точки» впереди паровоза. А то снизит математик оценку в четверти до «тройки» и глазом не моргнет.

Я с этими проблемами никогда не парилась, а Голубева — та ведь отличница, ей точки не нужны

И вот что я придумала: попросила Валерку, лаборанта физкабинета (нашего же выпускника с позапрошлого года), чтобы он в журнале сделал Аньке пару точек на страницах алгебры и геометрии.

Дело в том, что наш физик — директор школы — имел привычку иногда, после шестого урока, оставлять журнал нашего класса в лаборантской, если завтра наш урок был первым. Ну чтобы утром не брать в учительской. Вообще-то не положено, но кто директору указ?

Подошла я, значит, к Валерику, хорошенько попросила, и не бесплатно: купила ему блок дорогих сигарет. На какие деньги? Все та же скамейка! Валерка обещал все устроить и сделал.

И вот представьте картину: открывает Василий Кузьмич журнал и начинает объявлять своим противным голосом:

— Так-так... Точечки, значит, у нас сегодня перетекают в двоечки у следующих нерадивых учащихся...

И пошел перечислять. Обычно — это два-три человека. А он говорит:

— Двоечка сегодня у Голубевой, причем... (он сразу просматривал обе свои страницы) ...причем не одна, а сразу две. Поздравляю.

И влепил, конечно, Анька не успела и удивиться. Но все же попыталась возразить:

— Василий Кузьмич, как же так?.. У меня долгов нет, я точно знаю!

— Все так говорят, — устало парировал учитель своей коронной фразой. — Не будем усугублять. Итак, новая тема...

Значит, мой номер удался! Я ликовала, глядя на слезы Голубевой, которая расстроилась дальше некуда. А пусть!

Но радовалась я только один день, потому что беспамятный Василий Кузьмич к следующему уроку неожиданно «прозрел». Кто бы мог подумать!

— Голубева, — сказал он. — Я должен извиниться перед тобой. Честно, я не помню, как и когда поставил тебе точки, но меня взяли сомнения. С памятью у меня, конечно, гм... гм... проблемочки, да вы знаете, но не до такой же степени! Я вчера поднял все твои контрольные — там и четверки ни одной нет, все сплошь отлично, и твою золотую — во всех смыслах — голову я прекрасно знаю. Так что точки эти я отменяю.

Это было совершенно невероятно. Впервые!!! Ах, скажите пожалуйста, такая, значит, выдающаяся и гениальная Голубева?!! И обидно, что целый блок сигарет я ни за что отдала!

И тогда я придумала другой план, похитрее и побольнее. Дело в том, что Аньке всегда нравился Витька Крылов. Еще с первого класса! А Витька ну нисколько на нее внимания не обращал. Всегда дразнил «рыжая-бесстыжая».

И вот я начала атаковать Витьку любовными записками якобы от Голубевой. То в портфель подброшу, то в ящик почтовый — не полениусь (дом рядом!), то еще как-нибудь. В общем, достала его основательно.

И вот после очередной записки, удачно засунутой в карман его куртки в раздевалке, он при всех (что особенно меня утешило) зло сказал ей, брезгливо так:

— Слушай, Голубева, если бы ты знала, как ты мне противна, то обходила бы меня десятой дорогой. Поняла?!

...Вот это были слезы! С теми, математическими, не сравнить!

Но закончилось тоже неожиданно: через три года, к одиннадцатому классу, нескладеха Анька вдруг за одно лето превратилась в такую шикарную деваху, с такой фигурой, что меня, например, даже переклинило от зависти. И то, что раньше ее уродовало, — засияло, засверкало, как бриллиант на солнце. Оказалось, что у Аньки огромные голубые глаза совершенно исключительной красоты, шикарная матовая кожа, которую не сделаешь никакой «тоналкой». Да и вообще...

Ну вот где справедливость, где?! Все самые симпатичные наши девчонки померкли перед ней в один день! Если бы я сама не видела, то никогда не поверила бы, что так бывает.

И Витька Крылов потерял голову и аппетит. Но напрасно: Голубева больше им не интересовалась. И, насколько мне известно, Анька, уехав потом поступать в Москву, попала в университет с ходу и, говорили, в том же году вышла замуж за молодого доцента. С квартирой, между прочим, и столичной пропиской! Я с тех пор ее больше и не видела, а тетя Наташа почему-то больше совсем не хотела со мной разговаривать.

Вот такой, значит, богатый выбор получился у бывшей моей подружки. Повезло. А за что, за что??

И именно эту Аньку Голубеву и напомнила мне во всех деталях ненавистная Люська, чтоб ей добра не видать.

Когда я заканчивала школу (и чего я поперлась в одиннадцатый класс, могла бы уже давно освободиться. А все мама: учишь, учишь!..), мне пришлось решать еще одну крупную проблему: химичка собиралась поставить мне годовую «двойку».

Я и так не любила учебу, а химию ненавидела до дрожи. А химичка наша, Татьяна Степановна, была тетка принципиальная, злая. Причем злая не ко всем: ко хорошим ученикам относилась по-другому, разговаривала совершенно иным тоном, могла и поблажку сделать.

Меня же она гнобила при любом удобном случае. И при этом была еще и нашим классным руководителем. Но это же совсем неумно, когда классная дама сама снижает успеваемость собственного класса. Да и откуда у нее ум, она же элементарных вещей не понимала!

Вот до нее — с пятого по девятый класс — у нас была другая классная, Алла Петровна. Так с ней я легко находила общий язык, потому что Алла Петровна хорошо понимала, что есть главное в жизни, и отлично умела лавировать в водовороте событий. Меня она выделила как девочку смышленную, которая умела догадываться и без слов.

Поэтому жили мы с ней душа в душу. И, кстати, оценки по географии у меня всегда были приличные, потому что Алла Петровна умела быть благодарной. Я до сих пор во многом беру с нее пример: тихо, без афиши, всегда добиваться своего. Если не получается сразу — то надо спокойно выждать, и момент обязательно придет.

Никто и не знал о нашей дружбе и об одном важном договоре, выгодном нам обоим.

Сразу, как только Алла Петровна взяла наш пятый класс, она, оставив меня после уроков, попросила:

— Инга, мне очень нужна толковая помощница. Это необходимо для блага всего класса, понимаешь?..

Я тут же поняла, что надо делать. Правильно! — руководитель просто обязан знать все обо всех, кем он руководит, иначе он плохой начальник и грош ему цена.

И я стала помогать. Каждый день после уроков я заходила к ней в подсобку, где хранились разные карты, и кратенько рассказывала самое главное. Алла Петровна предусмотрительно назначила меня старостой, чтоб ребята не косились, и я (как будто бы) докладывала ей об отсутствующих, поурочно. А то есть такие, которые на первом уроке сидят, а потом — ищи-свищи их! Дисциплину надо соблюдать.

Я всегда восхищалась, как Алла Петровна умно, ловко и аккуратно умела воспользоваться новыми сведениями. За столько лет — на меня никто даже не подумал, до чего осторожно она все разруливала. Правда, Аллу Петровну никто, кроме меня, не любил. Даже, можно сказать, ненавидели. Говорили, что лезет во все щели как таракан, вот все ей надо!

И меня начали недолюбливать из-за нее, ведь я одна считала Аллу Петровну хорошей. А Лешка Липинский — тот вообще приклеил мне кличку, как ярлык: «Инга-рапорт». Я ведь Раппопорт, вот он и сократил, остроумец debilный. Очень обидно!

Но, когда мы перешли в девятый класс, Алла Петровна отдала нас химичке, а сама снова взяла пятый. И начались мои мучения!

Я, как нормальная староста (Татьяна Степановна не возражала, чтобы так и оставалось дальше), сунулась было к ней со списком, где подробно описала, кто и чем недоволен в этом классе, чтобы у нее было общее представление, а она... До сих пор противно вспоминать!

Она мой список взяла, прочитала зачем-то вслух, поглядывая на меня, потом порвала бумагу на моих глазах на мелкие кусочки и демонстративно их выбросила. И спросила ехидно:

— Это тебя папа с мамой так надоумили или уже опыт есть?

Я даже растерялась, а она предупредила:

— Еще раз подобное выкинешь — опозорю перед всем классом. Пусть знают, с кем они учатся!

Но все-таки потом смягчилась:

— Я очень надеюсь, Раппопорт, что ты просто не ведаешь, что творишь. Давай пока так: сегодняшнее я забуду, как будто и не было ничего. Я верю, Инга, что ты больше этого никогда не сделаешь. Ведь доносить — это гадко, понимаешь?

Я расплакалась, и она приняла это за раскаяние. Пожалела даже:

— Ну вот видишь, и самой противно. Нельзя так! Поняла? Ладно, беги. Я вижу, что до тебя дошло. И не плачь, детка.

Да, поняла я прекрасно, что химичка никогда и ничего значительного в жизни не добьется. И ходить к ней не надо, не тот случай. Ну и ладно: баба с воза... А я-то надеялась, что с оценками по химии устрою себе облегчение, а вышло наоборот! Татьяна Степановна лепила мне двойки щедро и часто, при этом прибавляя, что я — лентяйка редкая.

— Да я терпеть не могу вашу химию! — не выдержала я однажды. — Поэтому учить не хочу и не буду!

— Если б одну только химию, то я бы поняла, — ответила она. — А у тебя по всем предметам дохлые тройки, которые от двоек отличаются чисто символически.

— Так и вы поставьте дохлую тройку, вам-то что мешает? Или так жалко?! — мне надоело уже быть с ней вежливой, все равно толку — ноль.

— Мне мешает моя учительская совесть, — заключила она, давая понять, что разговор окончен. — Тройку я тебе не поставлю никогда, понятно?

И вот что делать?! А если мне нужен будет аттестат для поступления, ну вдруг?! А химичка — она такая принципиальная, все знают. Значит, выхода нет...

Нет?! Для меня?! А фиг вам, как в том мультике. Я долго думала, как быть, даже голова вспухла; но выход нашла. И, по-моему, гениальный.

Дело в том, что муж Татьяны Степановны тоже трудился в нашей школе, преподавал физкультуру. Нормальный такой дядька, с юмором. Тоже принципиальный, но у меня с его предметом были мир и дружба, твердая «четверка», поэтому он ко мне относился хорошо. Я даже с ним иногда слегка кокетничала, и он охотно принимал игру. А что такого? Руслан Николаевич — интересный!

Вот его-то я и собиралась использовать, но мне нужен был помощник. Для этого идеально подходил Митька Крохин из параллельного класса. Он давно меня «клеил», но совсем не нравился: маленький, прыщавый... Митька все свободное время проводил в спортзале, дружил с физруком и явно мечтал то ли вырасти при помощи спорта, то ли хотя бы тело красивое занять. И, надо сказать, с телом — у него действительно получалось: хоть и невысок, зато силен, хорошо развит.

Именно Крохин и должен был мне помочь. Я зазвала его в укромный уголок и изложила просьбу. Сказала откровенно, как, что и зачем. Иначе, если он не будет точно представлять мои цели, может сплеховать. За услугу я, глядя ему прямо в глаза (на мужиков это сильно действует, проверено), твердо пообещала:

— Благодарность — натурой.

— То есть как?.. — растерялся он. Мальчик, что ли? Наверняка да. Ну что же, пора и начинать.

— Как-как! Натурой, что непонятно?! Будет все, что ты захочешь.

Он растерялся, вспотел даже, теленок. Но видно было, что обрадовался. Задрожал!

— Я готов... Я все сделаю!!!

Ну вот и лады. Все-таки сильно я ему нравлюсь, это всегда приятно.

А надо было так: я приду к Руслану Николаевичу в спортзал после уроков, там у него сбоку — своя подсобка есть. А Митька — тот же постоянно рядом трется. И вот — я начну заигрывать с физруком, о чем-нибудь говорить, шутить... Ну или можно придумать, что дело у меня к нему. Не суть! Главное, чтобы мы разговорились. И я как бы невзначай постараюсь рядом сесть, за руку его взять... Короче, как пойдет. А если Руслан Николаевич вдруг «клянет» по-взрослому — так это вообще идеально.

Задача Митьки — сделать с нас такие фотки, чтобы было видно: между нами явно есть связь.

Митька догадался:

— Химичку шантажировать хочешь?

Я кивнула. Умный мальчик!

— Ой, смотри... — усомнился Митька. — Выгорит ли? Как бы хуже не было...

— Хуже и так некуда! — отрубила я. И напомнила:

— Расчет в любом случае — за мной. А если все хорошо получится, то потом — еще раз.

— Согласен!! — покраснел Митька.

...И получилось — пальчики оближешь! Мне удалось выманить Руслана Николаевича из подсобки в зал: мол, одно упражнение для спины на шведской стенке порекомендовали, посмотрите? Как ваше мнение? Возле этой стенки я его и заболтала: все жалась к нему то справа, то слева... А он — совсем не был против, сам начал свои грабли протягивать, хи-хи да ха-ха.

Митька, молодец, щелкал нас из-за спины физрука, а тот — ни сном, ни духом. А снимочки вышли — хоть в «Плейбой» посылай! Даже лучше, чем я ожидала.

С Митькой я рассчиталась в тот же день и пообещала потом повторить. А как же, по-честному! Он, как я и думала, оказался новичком, но вполне справился и очень собой загордился.

Фоточки — новые, красивые! — я сложила в конверт и пошла прямо... нет, не к химичке. К ее мужу!

Пришла, предьявила (наедине, конечно!) и поставила условие: пусть как хочет, но если супруга его дорогая мне «три» не поставит, то я эти фотографии знаю куда отнести и кому показать.

Педофилия! Вы в курсе, Руслан Николаевич?!

Вы бы видели, как он сник. Ну буквально только что поигрывал мышцами и опять тянул лапы к сладким местам, а тут — как уксуса выпил, испугался сильно.

— Ты же... ты же знаешь, что моя Таня никогда в оценке не уступит!.. Ты что?..

— Так вот и объясните ей, что в данном (!) случае — уступить придется. Вы поняли?

(Я чувствовала свое могущество и упивалась им: удивительная штука!)

Я не стала говорить лишних слов, чтобы не портить эффект. Предупредила только (как в кино!!!), что негативы — в надежном месте. Так-то!

— Крохин снимал?.. — обреченно спросил физрук.

— Именно, — подтвердила я. А что, Митька все равно выпускник уже, ему-то какая разница? Да и без моего ответа было ясно, что больше никому.

... Я с трепетом ждала. Кто же ее знает, эту Татьяну Степановну?! Вдруг не испугается?..

Но она испугалась, и я снова возгордилась своим умом и практической сметкой.

Утром химичка позвала меня в кабинет и, пряча глаза, глухо сказала:

— Ладно, Раппопорт. Получишь ты свою тройку...

Сказала — и отвернулась. Я постояла, подождала немного: может, еще что скажет? Попросит? Мол, отдай сама знаешь что...

Нет.

Ну нет так нет, я своего добилась, и фотки останутся в прошлом, как и не было ничего. Честно говоря, я бы их все равно никому не показала — зачем мне такие разговоры?

Это был чистой воды блеф, и химичка поддалась. Тоже ведь правильный выбор сделала. Важный для меня!

Вот так и получила я обычный аттестат, и на выпускном пела и веселилась не хуже других. Заслужила. Да еще и перееду на днях в квартиру, уже купленную Славиком. Жизнь удалась!

А одноклассники немало удивлялись:

— Вот тебе раз! А говорила Татьяна, что «двойку» тебе сто процентов поставит!

Я хмыкала, пожимала плечами и отвечала:

— Так это ж только в сказке Баба-яга взятки не берет, да и то не всегда. Запомните закон жизни: кто не берет деньги, тот берет большие деньги!

— А кто не берет большие? — поинтересовался очкарик-медалист Севка Жуков, которого я, как и всех умников, на дух не переносила.

— Тот, милый мой, берет очень большие деньги! Понял, академик?!

— А я бы все равно не взял, ни за что! — возмутился Севка.

— А тебе и не предлагали! — резонно заметила я.

Что, скажете, неправда? Права! И Севочка будет иметь возможность убедиться, ведь в жизни еще и не такое будет. Все впереди, выпускник!

... Уютная квартирка, в которой я жила уже почти два года, требовала денег. А как же! — хотелось, чтобы все было красиво.

Когда я вселялась, самое необходимое там уже стояло. Это я потребовала у мамы: раз я освобождаю жилплощадь для ее счастливой семейной жизни, то пусть она примет участие и в моем устройстве. И мама без лишних слов купила и кухонный набор, и мебель для комнаты. А я еще немножко поднажала и на Славика, и он опять, опасаясь моих разоблачений, помог: прикупил холодильник, телевизор, ну и кое-что еще, необходимое для полноценного быта.

И вот, когда Сережа (Сергей Иванович!) окончательно успокоился насчет канувшей в неизвестность Люськи, я начала заключительный этап давно выстраданной операции под кодовым названием «вуз», что на самом деле расшифровывается, как «выйти удачно замуж».

Мы встречались пока только у меня, к себе в квартиру Сергей упорно не звал.

— Мне неловко, там полный беспорядок, — объяснял он. — Запущенная холостяцкая берлога...

Ничего, это поправимо. Главное, что квартира в хорошем доме, в центре, в таких «хатах» метраж — велосипедом за день не объедешь. Я не раз, проезжая мимо Сережкиного дома, смотрела на боковое окно второго этажа, которое он мне однажды показал:

У меня появился естественный повод выключить на время мобильник, чтобы хоть немного передохнуть от мамочкиных стенаний. Поездка мне очень понравилась, и я в который раз с удовольствием представила, что наша с Сергеем совместная жизнь будет наверняка полна приятных событий и интересных впечатлений.

Когда мы вернулись, я позвонила маме сама. Надеюсь, что точка кипения уже пройдена и пошел процесс успокоения. Но она меня невероятно удивила, когда после первых же слов восторженно завопила:

— А у меня дела — суперrrrrrrr!!!

— Что? Вернулся?! — изумилась я.

— Нет, лучше! Намного лучше!! — ликовала мама. И выдала шокирующий текст:

— Он разбился в хлам, вот! Красота!! Это бог наказал, отлились кошке мышканы слезки!

— Как разбился, когда?! Насмерть?..

— Да в тот же день, когда вы уехали. Не насмерть, но переломался хорошенько: и челюсть, и ноги. Да и вообще, его так помяло, что любо-дорого!

— А ты... Ты в больницу ездила? Откуда вообще узнала?!

— Позвонили. У него в кармане была старая квитанция с нашим телефоном, случайно.

— И что дальше было?

— А дальше — я полчаса скакала на одной ножке от восторга! — едко сказала мама, явно смакуя событие. — Потом позвонила его женушке (давно номер срисовала в его мобильном!) и «обрадовала» ее, с большим удовольствием. Вот она к нему и ходит теперь, а выпишут — костыли ему в руки, и пусть забирает. А мне и дела больше нет до этого негодяя, теперь даже и машину не жаль.

— А ее восстановить — никак не получится? — уточнила я.

— Что ты, это теперь металлолом в чистом виде!!

Вот оно, значит, как, «дядя Слава»... Честно говоря, и мне теперь было все равно, что с ним и как теперь будет. Тут мама права: поделом! Теперь она была рада, что никаких официальных отношений не оформлялось.

— Мне еще калеки в доме не хватало! — сделала она последний вывод, и о Славике было наконец забыто, как будто он и не появлялся никогда в ее жизни.

А мы с Сережей тем временем начали вовсе готовиться к свадьбе. Я теперь постоянно прикидывала и рассчитывала, чтобы обустроить все как можно удачнее.

Значит, так: жить — у него, конечно; моя «однушка» пусть себе отдыхает, запас одно место не жмет. Машина у него хорошая, дорогая, хоть и мрачновата по цвету. Но ничего, это же мужское авто, лично мне Сережа наверняка купит яркую «Ауди», я уже наметила, какую. Водить научусь: я не хуже других. Если всякие блондинки ездят, то почему я не могу?

Ну и так далее, мысли — одна приятнее другой, но самое первое — свадьба. Мне хотелось шика, по-настоящему дорогого торжества, чтобы все лопнули от зависти. Да и мама одобряла:

— Надо, чтобы на весь город прогремело! Это раз в жизни, не будем жалеть денег.

Конечно, деньги-то не ее, вот и не жаль; тут Сережа правильно подметил. Он, наоборот, считал, что не надо шум поднимать (нет, белое платье и ресторан — это святое!), но ни к чему устраивать шоу, лучше на эти деньги опять куда-нибудь поехать, ведь я же хотела свадебное путешествие, правильно?

В общем, да... Пришлось согласиться (иначе назревала серьезная ссора), но было обидно, что задуманного мною фурора не получится.

Ладно, я потом возьму свое. Главную удачу я уже поймала: богатый, перспективный, на хорошем счету, в отличных отношениях с нашим боссом. Продвижение по службе и взлет до самых облаков — все это случится быстро и легко, потому что иначе и быть не может. Уже почти случилось!

Перед самой подачей заявления в ЗАГС Сергей познакомил меня со своими родителями. Вернее, это они пришли к нам в гости как бы «свататься». Мне это очень польстило: семья, традиции. Приятно, что ни говори, как в лучших домах! Основательные люди, сразу видно. И хотя мама потом сказала, что они ей категорически не понравились, я не согласилась.

Ожидая их, мы щедро накрыли на стол, но гости ели совсем мало, а от выпивки отказались вообще.

— Если человек не пьет, то он что-то замышляет! — пошутила мама, поднимая первый тост «за знакомство».

Мой будущий свекор отшутился:

— Конечно, замышляем страшное злодейство: дочку у вас умыкнуть!

Но пить все равно не стал, как и свекровь. Нет так нет, пьянка — дело добровольное. Зато мы (я, Сережа и моя мама) хорошо отметились шампанским, и разговор пошел веселее.

— Знаете, — заявила мама жениха, — как удачно сложилось, что бабушка завещала Сергею жилье! Уж как она его любила, бедная... Жаль, что не дожила до такого события!

Моя мама при этих словах деланно пригорюнилась, глубоко вздохнула и промокнула салфеткой сухие глаза:

— Ой, и не говорите... Вот и моя мамочка не дожила!.. А как бы радовалась! Да и отец Инги, муж мой покойный (царство ему небесное!) — тоже!..

И предложила второй тост: «За наших родных, которые всегда в нашем сердце!» Смотри-ка, умеет же сказать, если хочет! Я мысленно похвалила ее за хорошее впечатление.

В общем, посидели мы неплохо, душевно так, и в скором времени сами нанесли ответный визит «сватам».

Они жили в скромной двухкомнатной квартире, и я про себя немало удивилась: сын — в центре, в таких хоромах, а они — так бедненько?.. Но свекровь сама объяснила:

— Нам ничего другого не нужно, все есть. Да и не любим мы что-то менять, тут каждая вещица родная. Выбрасывать — это как предавать. Не можем мы!

Да не вопрос, у каждого свои тараканы в голове. Хотят спать на драном диване — пусть, раз он им такой распрекрасный. Главное, что у Сергея все не так и далеко отсюда. Он-то амбициозный, целеустремленный, и прозябать на фоне старья не будет. А эти — пусть тешатся воспоминаниями, мне какое дело?

...И вот наступил наконец наш день. Сережа так подгадал, что после очень небольшого застолья в ресторане (не считая нас, только восемь человек) мы сразу же, вечером, улетали в Египет.

Я там, конечно, ни разу не была, но краем уха слышала, что по-настоящему обеспеченные люди туда уже и не ездят; ну да ладно. Может, Сергей этого не знал. Для первого раза сойдет.

Перед самым бракосочетанием, дня за три, вышла у нас небольшая размолвка. Да, в общем, и не размолвка даже, а просто недоразумение. Дело в том, что я настаивала на брачном контракте, а Сергей сопротивлялся:

— Это лишнее, пойми. Есть закон о браке и семье, этого вполне достаточно. И, знаешь, мне как-то не по себе от мысли, что мы будем как в магазине: что почем и кому сколько...

Но я все-таки его уговорила, нашла аргументы. Мир ведь меняется, и надо идти в ногу вместе с ним, быть современнее!

Наш брачный контракт оказался не таким уж и сложным, и весь сводился к одной здравой мысли: отныне и навсегда, независимо ни от чего (развод, смерть и так далее...) мы с мужем являемся равноправными владельцами всего нашего имущества. И не имеет значения, что это за имущество: наследство, подарок, выигранный или что-нибудь еще.

Проще говоря, я, например, становилась совладелицей квартиры Сергея (хоть это — подарок бабушки!) и его машины (хоть она куплена до меня!) Хорошая бумажка! А то ведь по обычному закону — все это было бы только его. Ну, и моя квартира, конечно, — тоже общая. Так что все честно и прозрачно.

Отдохнули мы в Египте десять дней, накупались, назагорались, — да и пора домой. Прилетели — и сразу из аэропорта поехали наконец-то, как и положено, «к мужу». Пора, пора осваивать новую территорию! По дороге заскочили в магазин, чтобы хоть сегодня с едой не заморачиваться.

Приехали, поднялись на свой второй этаж (ох и холл в этом подъезде, вот это размах!) и, открыв дверь, очутились в огромном длинном коридоре. На глаз — метров двенадцать, если не больше. Ух ты!..

Да, работы тут было невпроворот, это Сергей правильно предупреждал. Но я сразу же ясно представила, как из одного только коридора можно будет соорудить такую конфетку, что все только ахнут! Это не говоря уже о комнатах. Кстати, сколько их тут?

— Четыре, — ответил Сергей. — Моя — во-о-о-он та дверь в конце коридора, видишь? Проходи.

Я сначала не поняла, ткнулась было в первую дверь слева. Сергей остановил:

— Да не эта, тут Харламовых комната.

— Это что, коммуналка?! — похолодела я.

— Ну да, — даже не смутился муженек. — А что? Мне от бабушки здесь комната и досталась.

— Ты... Ты!!!! — я задышалась от возмущения. — Ты зачем меня обманул?!!

— Когда? В чем? — сделал он непонимающие глаза.

— Хватит из себя невинность корчить, ты прекрасно знаешь, в чем!!!

Я схватилась за голову: вот это вляпалась так вляпалась! Видели идиотку? Если нет, то поглядите: вот она я, в анфас и в профиль...

— А контракт тогда какого черта было составлять??? — орала я в иступлении.

— Подожди!.. А ты... Ты вообще-то любишь меня?

Самый подходящий момент для лирических отступлений! Ну просто лучше некуда!!

— При чем тут люблю-не люблю?! Любые отношения должны на чем-то строиться!! Это что, так трудно понять?! А на чем мы с тобой строить будем? И где?! В этом общественном клоповнике?!!

— Инга, что ты несешь? — он попытался меня успокоить. — Комната у нас хорошая, большая, тебе понравится. И на кухне свой отдельный столик у нас есть. Пошли, все покажу!

И он, как полный debil, начал тянуть меня в эту вшивую кухню. Боже, тут же еще и туалет общий!! И ванная!..

— А машина? — вспомнив, простонала я в изнеможении. — Хоть она-то, я надеюсь, только твоя? Не коммунальная?!

— Машина моя, — кивнул он. — В кредит взял, вот потихоньку и выплачиваю.

— Отпад!.. — я заплакала.

Сил на разговоры у меня больше не было, и я, решительно оттолкнув дорогого муженька, подхватила свой чемодан и пулей вылетела из этого курятника.

Такси попало прямо у подъезда, и скорее домой...

Вот уж где наревелась так наревелась! А мой мобильный звонил и звонил, а я даже не хотела посмотреть, кто это наяривает. Просто пластом валялась на кровати и выла, как голодный волк на луну. Это же теперь, по моей же милости, моя квартира — тоже общее имущество! И это я сама подписала, да еще и с таким удовольствием! Своими руками устроила!.. Ну хоть вешайся теперь, до того досадно!

...А телефон все не замолкал, и я наконец решила ответить: мама, наверное, жаждет общения, ведь знает, что мы сегодня вернулись.

Но звонила не она, а Сергей. Наглость какая!! Что ему еще от меня надо?! Захотелось ему так ответить, чтобы и дар речи отняло.

— Чего тебе?!!

— Инга, подожди, не истери. Давай тогда купим квартиру, вот и все... То есть обменяемся: твою однокомнатную плюс мою комнату можно запросто сменить на трехкомнатную! Ведь коммуналка в центре стоит немалых денег.

Так, ясно. Я молча дала отбой. Ловко получается! У меня не будет, значит, своего запасного жилья?! Вот тварь, а?..

Что же делать? Может, развестись к едрене фене, да и дело с концом? Что там он еще лопотал?! Что у нас все впереди, и мы сможем постепенно иметь все, что захотим. Зароботаем — и будет, значит (!!!).

Ох, до чего я ненавижу выражение «может быть»! То есть, то ли будет, то ли нет, пятьдесят на пятьдесят. Как в моем любимом анекдоте: «Скажите, каковы шансы встретить динозавра в центре Москвы?» — «Пятьдесят на пятьдесят». — «Это как?» — «Ну или встретите, или нет!»

Вот так и тут, черт подери! Если Сереженька в свои тридцать лет только начинает подавать большие надежды, то пусть подает их в другом месте, подальше от меня. А я выбираю развод! И никаких других вариантов!

...Ой!!! А контракт наш брачный?... У-у-у-у-у!!!!!!!!!!!!!!!

Я набрала номер мамы. Она просекла мою проблему с первого же слова.

— Вот!!! Я же говорила, что мне его родители не нравятся, а ты не слушала!

Да, правда, говорила. Но сейчас не время напоминать, как она не понимает?

— Мама, делать мне что?! — рассердилась я. — Потом обсудим, у кого чутье лучше.

— А ничего не делать, — ответила она. — Покупайте, в самом деле, общую квартиру да и живите. А там — видно будет. Уж как-нибудь разрулится. У тебя просто нет сейчас другого варианта! — резонно заметила она.

Ну что ж, ладно. Проигрывать тоже надо уметь. Значит, пока тайм-аут, разлюбленный супруг. А время работает на меня! Это ты еще просто не в курсе, что за мной не заржавеет.

На другой день, едва только рассвело, Сергей приехал ко мне. Я за ночь успокоилась, хорошенько все обмозговала, поэтому мы с ним быстро договорились. Он все спрашивал, заглядывая в глаза:

— Ты меня любишь?..

Конечно, люблю. Разве возможен сейчас иной ответ? Ты любишь — я люблю; живем — хлеб жуем.

Мне хотелось впечать ему пару увесистых пощечин, но я сдержалась. Ярость моя поутихла, и я просто перешла в состояние спокойной, но полной боевой готовности. Готовности к чему? А ко всему. Чувствовала: все встанет на свои места, и я проконтролирую этот процесс от «а» до «я». Можете не сомневаться.

Перво-наперво я решила не отступать от главного пункта своего плана семейной жизни и поставила жесткое условие: не вернусь, пока Сергей не найдет хороший вариант обмена.

Поэтому мы и жили врозь три месяца, но зато Сергей старался в поте лица. И нашел наконец то, что меня устроило!

Новая наша квартира была хоть и не в центре, но зато состояла из трех довольно просторных комнат. И, что ценно, ни одна из них не являлась проходной. Это была новая, улучшенная планировка, и даже кухня — главный штаб любой семьи — оказалась лишь незначительно меньше самой большой комнаты.

Добираться до работы было теперь намного дальше, но при наличии машины это не играло существенной роли. Конечно, ни о какой отдельной машине для меня, как я, наивная, мечтала, не могло быть и речи, и утром мы ездили в офис вместе. Сергей радовался:

— Хорошо, что в одной конторе работаем. Удобно!

Он упорно не понимал, что теперь жизнь его в корне изменилась. Молодая и красивая жена — это дорогое удовольствие, и надо прилагать все силы, чтобы ее желания исполнялись. Да не так уж и много было их у меня, этих самых желаний, но ссориться мы стали постоянно.

Меня бесило, что он не может сразу купить понравившееся мне колечко, а начинает прикидывать, мямлить, подсчитывать вслух. Какие могут быть расчеты, если рядом любимая женщина? Сделай, что она просит, если ты — настоящий мужчина.

Ну вот почему другие могут, а этот — нет?! Да, оплатить салон красоты, массаж и шоппинг — это не газетку в киоске купить, тут надо вложиться как следует. Так зато и результат налицо!

Даже на улице по любой женщине видно, довольна ли она своей судьбой, чувствует ли внимание и любовь своего мужчины или бредет по жизни как нищенка по вагону: то ли подадут, то ли нет...

У обеспеченной, уверенной в себе женщины и настроение всегда хорошее, и удача с ней дружит. И со здоровьем отлично, потому что нервы в порядке!

А мне мой красавец начал их трепать буквально сразу. Например, когда я намекнула, что уже пора ему попросить прибавку к зарплате, он сказал, что пока рано. Вот получится с новым заказом — тогда шеф и сам повысит, а ходить клянчить он не собирается.

Второй пример: ему даже в голову не пришло предложить мне уйти с работы! Это он, значит, и дальше собирается жить за мой счет, что ли? Ладно, не понимает намеков — я и в лоб сказать могу. А он услышал — заулыбался:

— Ты что, в декрет собираешься уйти?

Спросил с осторожной надеждой (ведь я так и сказала, что скоро на работу ходить перестану). Я не на шутку рассвирепела:

— Какой еще декрет?! При чем тут это?! Я тебе уже не первый раз пытаюсь внушить, что работать не хочу и не буду, потому что у меня есть муж!!! Мне и дома возни достаточно.

Он скис, бросил тускло:

— Да сколько той возни для нас двоих...

И закинул снова:

— А ты... Ты все-таки ведь хочешь детей, правда? Если не сейчас, то немного позже...

Этого только не хватало! В таком вопросе — сразу должна быть ясность, чтобы отцепился наконец. Уже ведь не первый раз заводит эту чушь!

— Я категорически против каких бы то ни было детей! У меня что — две жизни? И едко добавила, не смогла отказать себе в удовольствии:

— Тем более с твоей зарплатой. На меня и то не хватает, мучаюсь только.

И мы поссорились опять.

Так промаялась я полтора года. Пыталась и по-хорошему, и по-плохому с ним договориться, да где там! Ни на шаг не продвинулась. Сергей по-прежнему получал столько же, сколько и раньше (то есть, по моим меркам, кошкины слезы. Это разве глава семьи?!). По-прежнему настаивал на ребенке, и каждый раз все злее и злее. И при этом выплачивал кредит за машину да еще и давал деньги своим родителям! Им-то за что?!!

Кто это выдержит, такой ад? А я — все терпела, терпела... Но и мое ангельское терпение лопнуло. Достал все-таки, постарался:

— Инга, у мамы анализы очень плохие, нужна операция. Сказали, что без этого — никак.

Понятно, старая песня со знакомыми куплетами. А припев такой: дать мамочке денег! Меня буквально взорвало:

— Я что, нанималась вам?? Какого хрена я должна содержать твою семейку?!!!

— Ты?! — ощерился он. — А при чем тут ты?

Это он, значит, дал понять, что все наши деньги — только его, и больше ничьи. Ведь я, слава богу, с работы все-таки рассчиталась месяц назад. Так сказать, из принципа! Надеялась, что хоть это его подтолкнет начать зарабатывать как следует, чтоб не стыдно было за такого мужа.

Но молчать я, конечно, не собиралась:

— А при том!!! Если деньги уплывут твоей мамаше, то не хватит их именно мне, а не тете с улицы! Или ты печатный станок изобрел, а?!!

— Вот что, моя дорогая, — он заиграл желваками, — заткнись. Я решил — и сделаю, как решил. Надоело!

Стоял передо мной злющий, даже кулаки сжал. Он, правда, никогда на меня руку не поднимал, но мало ли... Не хотелось бы.

Пришлось сбавить тон. Но все-таки я еще раз упорно повторила, что моя мама, например, ничего от нас не требует, ведет себя достойно. Вот так и другие должны!

— Твоя мама, — он тоже немного успокоился, — значительно моложе и здоровее. Но когда ей будет надо (ведь и она стареет!), мы не откажем.

Интересный поворот!.. Я об этом как-то и не задумывалась. А с какого боку я должна буду ей платить? Пенсию ведь дадут? Дадут. Так и в чем же дело?

Об этом я тоже сказала вслух, но муж опять повысил голос:

— Слушай, не надо хотя бы так бесстыдно демонстрировать себя во всей красе!!!

Так. Значит, я уже и бесстыдная?! И я завопила:

— Не дам я денег, не дам!!! Хватит! А то, дай тебе волю, ты нас вообще по миру пустишь! Не да-а-а-а-а-ам!!!!!!

Сергей нехорошо так засмеялся и презрительно сказал:

— А кто тебя спрашивать будет? Не даст она, видите ли... Облезешь!!!

— Ну-ну! — вскипела я. — Жди от своей мамашки благодарности! Вот попомнишь, когда она тебе завтра скажет, что ей уже вдесятеро больше понадобилось, чем ты даешь!!

Сергей ушел, хлопнув дверью. Любимый прием! Всегда, когда мне казалось, что я уже победила и последнее слово осталось за мной, он так делал. Теперь, значит, явится не раньше часу ночи. И опять — нетрезвый. Скотина!!! Почему, почему мне так не повезло с мужем?! По-че-му?!!

... Вот не зря говорят, что слова материальны: вскоре муженек нахально заявил:

— Маме требуется повторная операция, иначе мы ее потеряем.

И назвал сумму.

Я так и села... Вот, дождалась! Я открыла было рот, набрала побольше воздуха, но Сергей вклинился быстрее:

— Попробуй только закатить истерику, ноги повыдергиваю!!!

Ого!.. Такого я никогда не слышала, да и таким пришибленно-убитым, что ли, не видела его никогда. Поэтому возразить не рискнула вообще. А сама все думала, думала: таких денег у нас нет. Где же он возьмет?.. Второй кредит? Нет, исключено. У нас и с первым — туго-претуго, хоть от машины отказывайся вообще.

Сергей ответил мне на этот вопрос на другой день. Убил наповал!

— Квартиру будем продавать, возьмем другую, поменьше. Три комнаты нам ни к чему. Не для кого!

Как это «не для кого»?! Я тут так бесподобно все устроила! Все знакомые бесятся от зависти! И что — бросить все это и переехать, тесниться?! Ради какой-то старухи, которая все равно окочурится, независимо от операции! Онкология у нее, я узнавала. Годом раньше, годом позже — разница небольшая, а я должна столько терять?!

— Я не соглашусь, — сказала я глумливо. — А квартира общая, без меня — не продашь!

— Вот именно, общая. По контракту! — ехидно подчеркнул он. — И в случае развода мы ее продаем и делим деньги строго пополам.

— Развода?.. — растерялась я. Честно, не ожидала. А он, кажется, не шутит.

— Вот именно! — воскликнул муж. — И ничего другого. Хватит, намучился.

Нет, ну вы видели?! Еще он и намучился! Он, а не я!! Вот подонок!..

Он действительно подал на развод. Правда, просил меня обойтись тихо, без суда, ведь детей у нас нет. Но я уперлась: война так война! Раз он меня бросает, то пусть и попляшет.

Но все решилось, к моей досаде, очень быстро: нас развели на первом же заседании. Причем сам Сереженька, трус и предатель, на суд не явился, а прислал адвоката. Оказывается, можно разводиться и по доверенности. Безобразие!

Его адвокат столько напел, такого монстра из меня изобразил, что хоть расстреливай на месте. И судья — мужик, поэтому и солидарность проявил! — отнесся к претензиям Сергея благожелательно.

«Именем закона...» — и все. Свободна.

Очень жаль, что нельзя было слупить с Сереженьки деньги за полмашины, потому что кредит выплачен пока не был. Ну да ладно, пусть повертится еще; все равно, наверное, отберут!

Итак, после развода я имела такую сумму, что могла снова купить себе «однушку», что я и собиралась, в общем-то, сделать, а пока — снова жила у мамы.

Она за время моего проклятого замужества успела опять надеть себе хомут на шею в виде нового сожителя. Хорошо хоть, что ровесника, а не сопляка. Очередной «папа» Вася оказался дядькой бесцеремонным, к тому же любившим крепко выпить. Где мама отыскивает такие экземпляры?!

Я его с трудом переносила, но теперь пришлось пока жить вместе. Бывший мой муженек, насколько я знала, тоже перебрался к папе-маме, и это меня немного утешало. Вот пусть и загнется в той нищете, кому он нужен?!

Дядя Вася был очень недоволен, что я живу с ними, но помалкивал. Он ведь там никто, а я — дочь.

Мама его обхаживала, облизывала, водку носила без конца. И, что самое противное, пристрастилась и сама за компанию. Теперь они целыми вечерами на кухне несли всякую чушь, которая заканчивалась обоюдными пьяными слезами. Хорошо хоть, что не дрались, а просто, дойдя «до точки», тихо плелись спать.

Утром оба — с большой головой — тяжело поднимались на работу. Ну и как тут без опохмелки?... Вот такое счастье, значит. И опять — до вечера...

Я пока не работала (это кошмар, но придется опять что-то искать. Не хотелось пока про это и думать, успеется!) и днем брезгливо разгребала последствия осточертевших застолий. Как Золушка! Но у той хоть Принц в конце появился, а что у меня?..

Надо искать пару, чего ждешь? Искать по-умному. Может, повезет, и работать все-таки больше не придется?..

И я вечерами уходила гулять (пусть мама с Васей пьют, хоть не смотреть на них!); пока мне не везло, но я надеялась. Кто ищет, тот всегда найдет!

И вот однажды, когда я возвращалась из бара (там — удобно знакомиться, проверено; пока, правда, ничего приличного не попадалось...), еще издали заметила: горит родная «пятиэтажка». И, черт возьми, именно с того угла, где наша квартира!! Я бросилась бегом.

Мои худшие предчувствия, конечно, оправдались: из окна большой комнаты нашей квартиры вырывались огромные языки черно-красного пламени... Я закричала!

Тут уже было много людей, они тоже кричали... И, пугающе сигнала, уже въезжала в наш двор пожарная машина. Бойцы быстро развернули шланги, и работа закипела. Я стояла как вкопанная, смотрела и только стонала.

К счастью, потушили довольно быстро, и никто не погиб: упившиеся до беспомысленности мама и дядя Вася даже не знали о пожаре, ведь дрыхли без задних ног оба в соседней квартире, «в гостях» у алкоголика Сашки, который в последнее время прибил к ним в друзья.

А ведь это мамашин любовник, подонок, пожар устроил, как оказалось потом! Дядя Вася, пропойца чертов, включил зачем-то утюг да так и оставил, и они ушли. А утюг старый, ему сто лет в обед, реле не работает... Раскалился — и пошла жара: загорелись обои, линолеум. В общем, комната пострадала капитально. Самое ужасное, что загорелся шкаф, а в нем — все документы: и мои, и мамашины. А также деньги из моей доли после развода, я их в нижнем ящике хорошенько припрятала.

Хорошо еще, что деньги там было не все, а только часть. Ведь мне надо же было на что-то существовать! А мама с сожителем все свое пропивали без задержки.

Потребовалось срочно восстанавливать документы, приводить в порядок изуродованную квартиру, а это — деньги, деньги и еще раз деньги, будь оно все неладно! Но нет худа без добра: дядю Васю я погнала поганой метлой раз и навсегда, мама и пикнуть не посмела. Она теперь ходила трезвая, виноватая, пряча глаза.

Пришлось взять из банка остаток своих средств. Квартиру, конечно, я довела до ума, а с документами, которые благополучно сгорели, выдвинула мамочке условие, и ей пришлось его принять. Ведь это же по ее вине я не смогу теперь купить себе жилье, мне не хватит! Ее сожитель устроил пожар — а я сколько денег вбухала во все это, чтобы исправить, сказать страшно. Поэтому пусть родительница подпишет мне дарственную на квартиру! И отныне — не я буду жить у нее, а она у меня.

Вот так и стала я полновластной и единственной владелицей нашей квартиры и наконец-то опять почувствовала себя уверенно. Мама, отлично понимая свои птичьи права, старалась как можно меньше попадаться мне на глаза и не раздражать. И мы зажили тихо-мирно. Я по-прежнему сидела дома, а она шмыгала с работы на работу, и все. Зарплату, естественно, отдавала мне (покрывала долг!).

Надо же, я никогда и не думала, что моя мама умеет быть такой кроткой и покорной, ведь всегда считала ее бой-бабой. А нет, и на нее управа нашлась! Значит, главное — это правильно расставить акценты. Если выбираешь, то выбирай силу, ведь кто сильнее, тот и прав.

Мы даже начали душевнее общаться! И вот однажды мама мне подкинула отличную мысль — про своего двоюродного брата, Петю. Мол, у них с Диной детей нет, так можно и подружиться, туда-сюда... Я оценила перспективы идеи и, не откладывая в долгий ящик, в тот же вечер и позвонила. Мы с дядей Петром плодотворно так поговорили (потому что я точно угадала, чем зацепить дядьку: про медицину надо! Мама хорошо подметила, что он на этом всю жизнь помешан), и дядя Петя пригласил меня «заскочить как-нибудь».

Я не отказалась. Благо, на носу был день рождения тетки Дины. Не пожалев денег на подарок, я нанесла свой первый визит. И дружба наша с тех пор расцвела пышным цветом, укрепляясь день ото дня.

Чем все кончилось, я уже говорила, но за эти три года тесного общения произошло немало важного и очень даже полезного для меня.

А получилось все, в общем-то, случайно. Но, говорят, расторопных людей и случай любит, поэтому я усмотрела здесь милость Фортуны.

Дядя Петя предложил сам:

— Может, попробуешь поступить в медицинский институт? Я помогу, оплачу учебу.

Вопрос, конечно, интересный: ведь пора и в самом деле как-то определяться. Но я и школу-то еле-еле одолела, а тут еще шесть лет корячиться. Тем более в медицинском. На фига он мне сдался?!

Но дядька предложил — и надо было этим воспользоваться по-умному.

— Дядя Петя, я очень люблю медицину! — патетически воскликнула я. — Но целых шесть лет я физически не потяну, мы же с мамой и так с трудом концы с концами сводим...

— Да знаю я, знаю! — нахмурился дядя Петя. — Ну а ты сама что предлагаешь, есть варианты?..

Я давно уже подумывала про какой-нибудь, хоть самый плохонький диплом, ведь, как известно, «без бумажки ты ..., а с бумажкой — человек». Хорошо подмечено, точно.

Мама несколько раз закидывала, что очень неплохая и нужная сейчас специальность — это «бухучет и аудит», а тетка Дина настойчиво склоняла меня к мысли о работе в торговле. Ну ясно: каждый кулик свое болото хвалит.

Но я решила все же сделать выбор в пользу дядьки, ведь тогда он мне однозначно ни в чем не откажет. Институт — это, конечно, не по мне, но дядюшкин путь сулил мне неплохие вроде бы перспективы. И я озвучила свою «мечту»:

— Дядя Петя, я твердо решила поступать в медицинское училище.

— Тоже неплохо! — возрадовался он. — У меня там как раз куча друзей-приятелей, все схвачено!

И озабоченно подытожил:

— На бюджетной основе тебя, конечно, не возьмут, там конкурс аховый! И с твоим аттестатом шансы — ноль целых и столько же десятых. Что же ты, глупенькая, таких оценок нахваталась? — пожурил он ласково. — Ну да ладно. Я думаю, что это по недомыслию, ведь девка ты толковая. Наша кровь! Тем более если действительно мечтаешь о медицине...

(Хороший, надежный крючок, равный капкану на медведя: медицина! — и дядя Петя мой со всеми потрохами.)

И, в самом деле, я, не напрягаясь, — по дядиным связям и на платной основе, конечно, — поступила в медучилище, и дядя Петя торжественно поклялся «сделать

все, чтобы вывести племянницу (то есть меня) в люди». Не пожалеть средств во веки веков!

Мне с первой же лекции в этом самом расчудесном училище стало невыносимо скучно. Во-первых, по возрасту — я была уже значительно старше своих однокурсников, большинство из которых пришло сюда после девятого класса (сопляки!); а, во-вторых, я всеми фибрами ненавидела эту самую медицину. Такая мутотень!!!

Курс был коммерческий, поэтому ни о какой стипендии речи не шло вовсе. А, значит, я решила, что можно и с посещением не особо заморачиваться.

И на первой же сессии навалились на меня проблемы. Но я быстро сориентировалась и догадалась, что можно легко и просто (только четко понять, как и когда) вручать очередному «преподу» волшебный конверт с дензнаками внутри. И зачет — в кармане.

Итак, через первую сессию я, проявив смекалку, перевалила; и дядя Петя, не откладывая, внес деньги за второе полугодие, и опять — учись-не хочу! А вот не хочу... Не хочу, не хочу!!!

Хорошо, что это училище — только два с половиной года; уж как-нибудь дотяну, домучаюсь.

Но мучилась я по полной программе! Уже все мои однокурсники научились делать уколы, а я — никак. Плакала даже!

Спасибо, дядя Петя выручил.

Когда я ему пожаловалась, что никогда-никогда-никогда не смогу постичь это долбаное иглоукальвание, он тут же взялся ситуацию исправить.

— Так! — за муляж заднего места решено было взять плотный валик дивана. — Смотри!! Шприц надо не вкалывать, а всаживать, поняла? И чем молниеноснее движение, тем меньше страданий для больного. Можно добиться, что он вообще ничего не почувствует.

Он дал использованный одноразовый шприц, и я (сказал: «Не слезу с тебя, пока не научишься!!») раз пятьсот, наверное, сделала укол несчастному дивану.

— Ты дротик когда-нибудь метала? — спрашивал дядька. — Ну или ножичек маленький? Ты вонзай, вонзай с размаху! Не ковырай!! Ну?! Молнией! Р-р-раз!!!

И ведь научил-таки.

— Во-о-о-от! — одобрил он наконец. — Запомни, детка: главное — не бояться живой плоти. Да, мы иногда должны делать больно, но это только для того, чтобы избавить человека от значительно больших страданий... Понимаешь?!! Наша с тобой задача — это милосердие ценой малой боли, дабы возратить человека к нормальной жизни!

(Ну все, пошло-поехало. Фанатик, что поделаешь!..)

Я слушала, улыбалась и кивала. Что ни говори, а научил он меня классно!! С тех пор по уколам я стала лучшей среди всех, и меня начали хвалить.

А тут и подвалил тот самый случай. Дело в том, что в регистратуре поликлиники нашего микрорайона работала давняя мамина знакомая, Зоя Григорьевна. И вот она однажды, узнав от мамы, что я теперь преуспевающая студентка медучилища, предложила:

— Инга, а как ты смотришь, если я буду «сватать» тебе клиентов для уколов на дому? Спрос на это большой, деньги всегда хорошие, гарантия. А ты со мной за это немножко поделишься. Ну как?

Я с ходу согласилась. Это же как раз то, что надо: ни мороки, ни затрат, ни головной боли. А колю я знатно, пальчики оближешь!

Дяде Пете я про это ничего не сказала: чувствовала, что не одобрит. Ну не знаю почему; не одобрит — и все. К тому же, если он пронюхает, что я начала так

прилично зарабатывать, то перестанет меня финансировать. А зачем мне терять такую поддержку? Деньги лишними не бывают никогда.

Ай да тетя Зоя! Я, конечно, была ей очень благодарна, ведь сама я не заморачивалась с поиском нуждающихся. Зоя Григорьевна буквально на блюдечке мне все приносила, и нам обоим оставалось только подсчитывать доходы. У меня — большие; у нее — естественно — поменьше. Но все было честно.

А, главное, большие оставались довольны, колола я прекрасно, профессионально. И меня даже начали рекомендовать друг другу. Так создавался дополнительный денежный ручеек, не подконтрольный уже тете Зое. Напрямую, так сказать.

И тут в училище грянула вторая сессия. Буквально грянула, потому что попался один преподаватель, принципиально «не берущий». Деньги ему, видите ли, не так важны, как знания будущих эскулапов. Лицемер!

Много я видела идиотов, но этот! — первое место!! Был бы как все, мог бы пачками деньги складывать, а он... Такие и есть самые гнусные людишки, идеалисты хреновы. Ни себе, ни другим!

Вот этот Иван Александрович и «зарезал» мне оценки. Уперся — и ни в какую. Я и так, и сяк!.. — непробиваемый!!!

— Вот выучите как положено, тогда и поговорим, — твердил он как попугай. — А пока, как определил художник Решетников, «опять двойка». Вот так, милочка.

Подвел он меня под отчисление, садист. Если бы по одному предмету — это еще полбеды; а ведь он вел целых три дисциплины! Как будто других преподавателей мало... Нормальных, человеческих!..

Я изо всех сил скрывала от дяди Пети свои неприятности, но гром все-таки грянул, и пришлось рассказывать как есть.

— Чего ж ты раньше молчала?!! — кричал дядя Петя. — А теперь есть уже приказ об отчислении, понимаешь?! Я же не всесилен, Бога за бороду не держу!!

Он еще все-таки попытался помочь, звонил куда-то, ездил даже два раза, но впустую.

— Петр Андреевич, вы понимаете, что ваша Раппопорт — это что-то невообразимое? Ну вот как можно, например, кружку Эсмарха называть «желудочным зондом» и на экзамене (!!!) под дикий хохот всех присутствующих совать отводную трубку в рот учебному манекену!!! Вместо задницы!!! Хорошо, что это — всего лишь кукла, а не живая больная! — возмущался преподаватель дяде Пете в лицо. — А потом, представьте себе, когда ей объяснили, что кружка Эсмарха — это клизма, она невинно ответила, что все прекрасно знает и без нас и что не надо ее душить, потому что клизма — «это такой баллончик с наконечником»... И это — будущая медсестра?!! Да побойтесь Бога, Петр Андреевич! Не надо, не позорьтесь! Даже ради вас — сделать ничего нельзя.

Дядька был мрачнее тучи. И я, конечно, злилась, истерила даже. Чего они прицепились?! Подумаешь, беда какая: ну перепутала, бывает... Что тут особенного?!! Врачебные ошибки — не такое уж и редкое явление...

— Врачебные ошибки? — дядя Петя был в ужасе. — Это ты свое потрясающее невежество так мило называешь «врачебной ошибкой»?!! Да знаешь ли ты, что это такое, когда врач ошибся, когда он не помог, а только усугубил, когда он усилил страдания, когда он...

(Началось. Слыхали сто раз: долг, милосердие, доброта. Хлебом не корми!)

Но я кивала, покаянно плакала, обещала все-все-все исправить и наконец начать учиться как следует. Качественно!

Еще надеялась, что утрясется, ведь дядя Петя хоть и ругался, но все равно обещал, что съездит еще «к одному человеку». Но уже если и тот не поможет — тогда все. Прощай, училище!

Дядька и вправду еще искал кого-то, хлопотал, но опять все напрасно. Меня с треском и позором отчислили.

А, с другой стороны, может, это и хорошо? Какой из меня медработник, если честно?.. Доработалась бы в итоге до какой-нибудь «врачебной ошибки», и конец. Неприятности, вплоть до тюрьмы, — оно мне надо?..

С дядей Петей мы помирились, и я по-прежнему была так же вхожа в их дом, но мою «материальную поддержку» он, конечно, прекратил.

— Устраивайся сама как знаешь, — устало махнул он рукой. И больше моими делами не интересовался, просто будет рад мне, и это все.

А с уколами — осталось все как раньше. Желаящих было предостаточно. Вот и спасибо медучилищу: считай, все равно профессию я приобрела, хоть и без диплома. Да и кому он нужен?

Я чувствовала, что жизнь моя, несмотря на неприятности с училищем, потихоньку налаживается. Деньги я получала хорошие, при этом была сама себе хозяйка и ни перед кем не отчитывалась. Выходной или отпуск могла устроить себе в любой момент, когда захочется.

Я зарабатывала больше, чем мать, поэтому мой голос стал теперь во всем решающим. Сказали бы мне раньше, что так будет, — ни за что бы не поверила. Я (вполне заслуженно!) поставила себя так, как и должна была, и мама не смела больше мне ни указывать, ни советовать.

Она, очень любившая поболтать, теперь с разговорами не лезла. Только смиренненько ожидала, когда я сама захочу что-нибудь с ней обсудить. Я как бы определила для нее территорию, и на свою половину пускала только тогда, когда сама этого желала.

Мама моментально смирилась, и только однажды, как бы невзначай, обронила, что зря, мол, сглупила: не надо было дарственную оформлять. Потому что она теперь здесь никто, почти как бомжиха...

Я наорала на нее, что пусть скажет большое-пребольшое спасибо, что я за свои кровные сделала ремонт! Что я платила за новые документы!! И что, не будь моего участия, она до сих пор оббивала бы десятки порогов, восстанавливая и паспорт, и прочее, прочее, прочее!!! Я специально вопила погромче, размахивала руками, и так сама себя завела, что в порыве праведного гнева грохнула об пол большую керамическую вазу, и она, крикнув, разлетелась на неопрятные черепки.

Ваза старая, не жаль. Она давно меня раздражала, но просто руки не доходили выбросить, а тут — как раз хорошо получилось: пусть мамочка запомнит как следует, что ей надлежит молчать и делать то, что велено.

Я, как хозяйка, и оплату коммунальных услуг производила лично, так что будь любезна, мама, имей совесть: живешь у меня, ешь, спишь — плати. Зарплату дай мне, а я распределю.

Конечно, кое-что я оставляла и ей: на дорогу и на карманные расходы. Но совсем немного, в пределах разумного. Она-то как в свое время со мной поступала, а?! Ведь вынудила на скамейку ходить, телом торговать! Я помню.

Вот пусть теперь и сама почувствует, что это такое, когда денежек — впритык. Правильно говорят, что все на свете возвращается бумерангом, и она его заслужила. Пусть радуется, что я ее не выселяю вообще. А имею ведь право! Но я — добрая. Повезло ей.

...Больные мне попадались разные: колола и маленьких детей, и глубоких стариков. Иногда противно и подойти было! Вот уже — полутруп, а все надеется, что сто лет проживет, укольчик просит.

Да мне не жалко, платите только! И деньги — вперед. А то однажды началось: — Не могли бы вы подождать?.. У нас пока с деньгами туго, так мы потом...

Что?! Нашли дуру. Вы — потом, так и я — потом. И ушла, не стала колоть. Чего ради я буду заниматься благотворительностью?! Мне деньги нелегким трудом достаются, а не с неба падают.

Конечно, в перспективе — я и этим не собиралась заниматься. Продолжала надеяться и искать своего «принца» (или лучше «короля»), второго Сергея Ивановича не будет! Я заранее все просчитаю и разужу, уже ученая.

Я крепко надеялась на наследство от дяди Пети с тетей Диной, ведь в таком случае — можно и без наличия «принца» оказаться в полном шоколаде. Например, продать одну из квартир, положить доллары в банк и получать стабильный, надежный процент. Или, сдавая жилье, опять же жить припеваючи.

Мама? А что — мама? Если я эту квартиру продам, пусть убирается куда хочет. Что-то давненько она замуж не выходила, вот пусть и подумает. Да побыстрее, пока хоть какой-то товарный вид имеет.

Она теперь мини-юбочки не носит, присмирела. Так что для нее найти мужичка, который примет к себе жить, — самое то. Очень советуую.

Кстати, недавно я получила немалое удовольствие, расписав ей в красках наш со Славиком роман. Пусть знает! А что она мне теперь сделает?! Видели б вы ее рожу: челность отвалилась, глазки моргают. Аж бордовая сделалась, носом зашмыгала.

Но промолчала. Совсем! Я думаю, что ночью — извертелась на пупе, вникая в детали. Очень хорошо!

...После прокола с наследством дяди Пети я сначала психовала не на шутку, металась. Это надо же! Своими руками я сама все испортила. Вот что значит поторопиться, не учесть детали. Умнее и надежнее всего было не связываться вообще с теткой Диной!!!

Долго я не могла успокоиться, даже клиентов своих колоть стала больно. Но потом хорошо подумала, и как рукой сняло.

В чем проблема?! Кто мне сказал, что дядя Петя не доживет до глубокой старости? А это значит, что еще лет двадцать-тридцать-сорок ждать, пока мне что-то там достанется! Ну бред же полнейший. Он мужчина здоровый, его Ася — тоже не болеет. Он же так и говорит: «Я теперь только жить начал по-настоящему! Хочется дышать полной грудью и любить бесконечно!»

У них там мир и лад, полная гармония. И сколько лет еще мне надо было ездить, ублажать их, изображать любовь и уважение? Сколько можно?! До чертиков надоело мне к ним таскаться!

Вывод: что ни делается, все к лучшему. Не надо строить воздушные замки, это же глупо до невозможности! Реально смотреть на вещи — только это умно и продуктивно.

Про свой разрыв с дядей Петей я ничего не говорила маме: она, похоже, только позлорадствует. Так что пусть по-прежнему думает, что у меня все схвачено как следует.

Да мы с ней в последнее время вообще не разговаривали. Она теперь глядела исподлобья, как будто хотела укусить, и я догадалась: возненавидела из-за Славика.

Ну и пусть, на здоровье. Мне от ее взглядов ни холодно, ни жарко. Я как раз надумала осуществить одну маленькую семейную реформу, и поставила ее перед фактом.

Наша квартира имела такую планировку, что в коридоре, между дверью в кухню и большой комнатой, была встроена огромная кладовка.

Соседи по подъезду, имеющие такие же точно квартиры, давно уже все это перепланировали и в итоге получили или большое расширение кухни, или дополнительные метры в коридоре. Мы же кладовку не трогали, потому что держали в ней столько вещей, что они захламили бы все свободное место.

А когда после пожара пришлось делать ремонт, я наконец разобралась с этим чуланом, выбросив весь ненужный хлам. И пустая кладовка оказалась маленькой комнаткой, только без окна. Сходство дополнил и крепкий топчан, свободно помещавшийся у стенки: но тебе кровать, и все тут! Оставалось его застелить, бросить под ноги какой-нибудь коврик, оживить обстановку табуреткой или стулом — и пожалуйста! Изолированное помещение! Даже розетка есть, и можно без проблем подключить настольную лампу. Хоть спи, хоть читай, хоть просто лежи отдыхай... Вполне нормальные условия!

Вот в эту комнатку я и решила переместить маму. Она выслушала молча (впрочем, теперь — это было ее обычное состояние) и попросила только добавить тумбочку из спальни. Правильно, пусть берет. Тоже старье.

Я сама привела каморку в порядок, топчан облагородила отличным матрасом, сверху постелила почти новый комплект белья — и вышло просто загляденье, сама бы жила! Повесила также и настенный коврик, и светильник. Отдала раскладной стульчик, который при желании можно было легко убирать, чтобы не занимал место.

Мама «переехала», поджав губы, но покорно. А я случайно услышала, как она спросила саму себя, явно не догадываясь, что сказала громче, чем нужно:

— Что же это за мерзавка выросла?..

Я не стала с ней выяснять отношений и поднимать скандал.

«Ладно, — решила я про себя, — за это тоже ответишь».

Ишь, неблагодарная. Кто-нибудь другой уже давным-давно выставил бы ее отсюда, а я терпела. Я ее ни разу тут куском не попрекнула, хоть сама все продукты покупала. А она посмела про меня вот так сказать? Не нравлюсь, значит; не устраивает жизнь со мной? Ладно, я тебе устрою!

И я сделала последний решительный шаг, навсегда отсекающий мамочку от моей судьбы: я продала квартиру. Да-да! А иначе как ее отсюда выкуришь? Квартира моя, поэтому что хочу, то и ворочу. Захотела и продала — и никто мне не указ, все по закону.

Чтобы не терпеть мамочкину истерику, я поступила максимально бесшумно: пока она была на работе, я вывезла свои вещи. Мебель — не трогала, зачем мне эта рухлядь? Да и с ней можно немножко дороже продать. И пусть новые хозяева сами решают, что с ней делать. А я себе все новое куплю, самое лучшее и современное.

Свои вещи я отвезла в нанятую накануне (договорилась на две недели) квартиру. Это было удобно, и срок — вполне достаточный, чтобы купить себе новое жилье, ведь сначала нужно было продать старое и получить деньги за него. Ну не на вокзале пока жить!

Справилась я даже быстрее, чем думала, и вскоре отдала ключи от старой квартиры из рук в руки покупателям, а сама — буквально на другой же день — въехала в новую. По площади эта квартира была почти такая же, как и та, которую я продала, но она была лучше хотя бы тем, что в ней никогда не могла появиться и жить моя мамаша.

Вот именно с ней, с мамочкой, пусть и разбираются теперь новые владельцы. Они в курсе, что мамаша там не имеет права ни на один сантиметр площади. Эх,

жаль, что я не увижу, как пройдет ее выдворение! Но я иронически подумала: «Зато мысленно — я и так все представляю!»

— Это ей ответ за «мерзавку», — похвалила я себя за оперативность и сообщительность.

И все дальнейшее в жизни родительницы меня перестало интересовать.

Свою очередную квартиру я обставила так, как и мечтала: шик-модерн! Я теперь переехала в другой район, и мои прежние клиенты по уколам сменились новыми. Я давно уже не нуждалась ни в каком посредничестве, сама знала, кого и где искать, и все пошло по-прежнему.

Да и, честно говоря, не хотелось мне встречаться теперь ни с какой Зоей Григорьевной, ведь она наверняка была в курсе, что мы с мамочкой больше не живем вместе. По моим прикидкам, мама могла податься только к Зое Григорьевне, больше не к кому. Моя мама ни с кем не имела сердечных отношений, считая всех вокруг себя или завистниками, или дураками (я тоже так думаю, между прочим; тут она права!); а вот для Зои делала почему-то исключение. Они были знакомы с ранней юности и самым непостижимым образом ладили.

Зоя Григорьевна была тоже не подарок, упрямая и жадная, но находила же в ней что-то привлекательное моя мама!

Но вот приняла ли Зоя Григорьевна ее к себе жить? Могло быть как да, так и нет. Хотя я больше склонялась к тому, что нет. Зоя давным-давно жила одна и была исключительной эгоисткой, но всегда любила повторять, что одиночество ее тяготит. Вот бы, мол, с кем-нибудь вместе жить, все веселее.

Я убедила себя, что Зоя Григорьевна все-таки взяла маму, и им вместе теперь хорошо и уютно. А что? Обе работают, зарплата плюс зарплата — и можно жить припеваючи. А может, мама действительно сошлась с каким-нибудь одиноким мужчиной? Ну, дай бог...

Я даже перестала злиться на нее, честное слово! Внутренний голос иногда спрашивал меня: а если?..

«Что — если?!» — изумлялась я. Никаких «если»! Моей мамочке палец в рот не клади, так что я уверена: все уладилось. Но проклятый внутренний голос замолкал не сразу, а все грыз и грыз, поэтому мне приходилось давать ему обещания, что немного погодя я позвоню Зое Григорьевне и поинтересуюсь. И, если что не так, тогда и придумаю, как поступить.

На этом этапе мой диалог с совестью иссякал, и я продолжала строить новые планы.

Открою секрет, что к мужчинам я питала стойкое отвращение, получив прививку презрения и гадливости еще в сквере, когда «зарабатывала». Поэтому ни Славик, ни муженек Сергей — ничего особенного во мне так и не разбудили, никаких чувств, просто я умела мастерски подыгрывать чужой страсти.

А тут познакомили меня с одним молодым человеком, и я поняла, что меня зацепило всерьез, что думаю о нем постоянно.

Я однажды слышала интересное определение любви: «Любить — это хотеть касаться». Если принять эту формулу за истину, то можно сказать, что я сильно влюбилась.

Впервые я увидела его в одной семье, куда ходила «колоть» девочку-подростка.

— Это мой брат Ефим, — сказала хозяйка, и я пропала.

Мы не сказали друг другу и десятка слов, а я о нем думала целые сутки, как раз до следующего укола. Напрасно говорят, что это только мужчины любят глазами... Женщины — тоже! Ефим был настоящий красавец: что лицо, что рост... А плечи!!! Аполлон, да и только.

В следующий свой «укол» я уже беззастенчиво поела его глазами, а потом — настойчиво попросила проводить. Он почти не удивился и пошел. Довел до подъезда и простился.

Мне в той семье оставался только последний, завтрашний визит, и я решила действовать еще более решительно, и будь что будет. Мне было безразлично, сколько Ефиму лет (кажется, я немного старше), где он работает и есть ли у него деньги. Можно сказать, что я вообще соображать перестала.

У меня и подруг-то толком никогда не было. Светка Кулакова — самая последняя, с кем я могла быть до конца откровенной... Так это ж сто лет назад! Ну, еще немного дружила с двумя сотрудницами фирмы, в которой работала вместе с Сергеем. Это тоже в прошлом.

А теперь я чувствовала, что хоть кричи, а надо с кем-то поделиться, посоветоваться. А с кем, с кем?! Или хотя бы выговориться, в конце концов!

Кончилось тем, что я зазвала к себе Ефима «на чай», выставила бутылку хорошего коньяка и мощную закуску, и после третьей рюмки получила желаемое. Почувствовала такое удовлетворение, что даже сама себе не поверила. Ведь кого у меня только ни было, а я никогда не чувствовала ну хоть мало-мальской радости. «Закрыть глаза и три минутки потерпеть», — как говорила Светка.

А Ефим — как будто ничего такого и не случилось. Дело обычное. Как говорится, секс — это еще не повод для знакомства.

Представляю, сколько у него баб!!! Конечно, у такого красавца!.. И все балуют, задаривают... Наверняка!

Я угадала: Ефим, одеваясь, равнодушно намекнул, что если я захочу еще «отношений», то неплохо бы его «материально простимулировать». Вот не сойти мне с этого места, так и сказал! Просто, откровенно и цинично. А у меня чуть сердце не выскочило от ревности и любви одновременно.

Поразмыслив потом на досуге, я с горечью призналась себе, что опустила до самого дна, позволила просто вытереть об себя ноги. И это я?.. Я?!!

И в то же время я и дальше была готова на все, лишь бы он пришел еще раз. И еще, и еще, и еще!.. Вот когда я поняла казавшиеся мне ранее пустыми и надуманными выражения: сгорать от тоски, изнывать от желания, терзаться ревностью... Как, как заиметь Ефима только для себя, и чтобы — навсегда? Клянусь: если бы мне сказали, что для этого надо убить десяток-другой женщин, я бы убила, глазом не моргнув.

Но он был скользкий, как рыба, и равнодушный, как дверной косяк. Огонек интереса загорался в его ледяных глазах только тогда, когда он получал реальную, осязаемую выгоду.

Ну почему, почему при этой уникальной красоте — и вдруг такая космическая пустота? Я понимала, что буквально погибаю от любви, но остановиться не могла: в руки Ефима уплыла и массивная золотая цепочка, и дорогая импортная рубашка, и много всякого-разного, покупавшегося специально для него, чтобы снова заполучить на полчаса эти руки, губы... Я не узнавала и даже презирала самое себя, но иначе не могла и не хотела. В конце концов, если он продается, почему же не купить?.. (Я даже иногда злорадно думала, что мы — родственные души, как ни крути!)

Я мстительно мечтала, чтобы он поскорее потерял свою адскую привлекательность. Все равно — пройдут годы! — жизнь его приземлит, никуда красавчик не денется!

И тут случилось такое, что я вообще чуть с ума не сошла: я забеременела! Как?! — вот убей, не знаю. Береглась ведь! Всегда помогало...

Какое-то время я все еще надеялась, что ошиблась, что тест показал неправильно. Бывает ведь так! Но, когда сходила к гинекологу, сомнений не осталось. О-о-о-о!!!!!!! И что дальше?? Это само не рассосется, надо меры принимать!

И вдруг меня поманила надежда: а что, если мой мучитель возьмет да и женится на мне, узнав о таком факте? И я тянула время, тянула... А он, как назло, все не приходил и не приходил!

В душе я понимала, что он меня просто пошлет подальше, но попробовать-то можно? А вдруг?.. И я решилась.

Подкараулила его сама и выпалила сразу, что срок — семь недель!..

— Да хоть восемь, — презрительно сплюнул он. — Мне такие новости по три раза в день сообщают. Так что отвали.

Ну что? Получила, что хотела?!!

И я поплелась на аборт. Единственное, что меня теперь интересовало, — это простит меня Ефим или нет? Будет ли еще приходиться?.. Тоже мне, шантажистка хренова. Можно подумать, что я родила бы, даже если б он захотел этого ребенка. Да никогда в жизни, ни за что!

То, что я столько нервничала в последнее время, сыграло-таки свою отрицательную роль: аборт сделали крайне неудачно.

Кто мне внятно объяснит, чего я ждала? Почему не избавилась сразу от неприязности, на малых сроках? Было бы и дешевле, и безопаснее.

А так — медлила, выращивая в себе это недоразумение, этот сбой техники безопасности секса. И теперь — вот, получи: пришлось провести на больничной койке не два часа, а почти две недели. И детей у меня, сказали, больше не будет.

Вот это как раз и хорошо, хоть один «плюс». Значит, не будет больше ни таких чисток, ни переживаний, ни тестов на беременность.

Когда меня наконец выписали, то я постаралась побыстрее прийти в норму, привести себя в порядок. Не терпелось снова найти Ефима и уговорить прийти!

И вот наступил день, когда я опять пошла его искать. Соскучилась!.. Пусть, пусть все будет как раньше, хватит у меня и сил, и подарков! Только бы не сердилась!

Проторчав напрасно весь вечер у его подъезда, я не выдержала и поднялась в квартиру.

— А он три дня как уехал, — сообщили мне.

— Куда?! Надолго?..

— Как куда, к жене!

— ?!!!!!!

— Он на прошлой неделе женился. А вы что, не знали?

И мне поведали, что мой Ефим проживает теперь в Финляндии, ибо заключил законный брак именно с финкой.

— У жены его там большой бизнес, — сказали мне напоследок. — Очень богатая женщина! Повезло нашему Ефимушке. Удачный выбор.

Вот оно, значит, как. Это у меня с принцами — напряг, а у Ефима с особами королевской крови — полный порядок. Нашел себе место под солнцем.

Я не знаю, что во мне больше всего забурлило: ревность, злоба или зависть? Скорее всего, и то, и другое, и третье. А главное, мучила боль необратимой потери, равной которой я не знала до сих пор.

Все-таки я по-настоящему его любила, робота этого смазливового...

Мне казалось, что меня больше не существует, и было совершенно непостижимо, как я еще хожу, дышу, ем и сплю.

Впрочем, спала я совсем мало, и в итоге — даже начала принимать снотворное. Я чувствовала себя полной развалиной, хотя даже до тридцати лет мне далеко.

Когда судьба улыбнется мне? Где же он, мой придорожный камень?! Кто подаст мне верный знак, куда наконец повернуть, чтоб добраться до просторной солнечной поляны и зажечь на ней, как в сказке?!

Я понимала, что нет у меня никаких сил двигаться дальше, строить планы, намечать цели... Вот так бы и лежала целый день, глядя на облака за окном. Пусть никто не тревожит меня, и я — веками никого не трону...

...Но это постепенно стало проходить, и я увидела, что полосатая жизнь снова заманивает меня на светлое пространство. Да и в самом деле, что это я расклеилась?

Подумаешь, потеря! Может, наоборот, это — настоящая удача, что Ефим исчез наконец с глаз долой. И, слава богу, из сердца вон. Неизвестно еще, во сколько бы он мне в конечном счете обошелся. Запросто могло дойти до того, что я бы отдала ему все, что пожелал. Квартиру даже! (Мне вспомнилась мама: вот так же и она готова была разорваться для своего озабоченного Славика!..) Так что спасибо еще, что мало взял.

Хороший, очень хороший урок я получила: нельзя ни привыкать, ни привязываться, а тем более — любить. Это вообще пропасть, путь в никуда. Не мой выбор.

Только трезвый расчет и четкие планы! Я же именно это больше всего в себе и ценила.

Короче, все! Я очнулась, встряхнулась и решила не сдаваться. Итак, что я имею на сегодняшний день?

Спокойно пораскинув мозгами, я практически вернулась к самой себе: деятельной, амбициозной, целеустремленной и волевой. В конце концов жизнь продолжается, и я таки возьму от нее все, что захочу. И никаких «но»!

И, кстати, где же мой принцип — никогда и никого не прощать? Хотя бы того же дядю Петю с его новой клушей. Дружили-дружили со мной, а потом — пошла вон, значит? И, главное, дядька меня оскорбил, назвал «особой, которая ничем не брезгует»! Меня!!! И Аська поддержала!

Что же, дать им сдачи — дело простейшее. Они же оба врачи, можно столько кляуз настрочить про их «ошибки профессии»! Я кое-что от них самих знаю, у них потом никакого мыла не хватит, чтоб отмыться.

Месть — это сладко и интересно: выведать, проследить, изловчиться и нанести точный удар. Это как спорт или охота, тут я азартных понимаю. Ведь, по большому счету, не за жратвой же они прутся на охоту, кто в лес, кто в чисто поле. Интересен сам процесс! И приятно испытать чувство близкой добычи: вот сейчас, сейчас!..

Да и насчет Ефима — надо хорошенько прикинуть. Мне, конечно, достать его отсюда никак невозможно, но ведь время терпит. Надо ждать: вдруг он сестрицу навестит... А ведь есть люди, которые за деньги готовы помочь и организовать несчастный случай, например. Или просто вечером встретить и поговорить... Масса вариантов.

А пока — ждать, мечтать, готовиться!

...Ну вот, другое дело! Я сразу приободрилась, загорелась. Дел вокруг столько, а я — разнюнилась, руки опустила.

И параллельно снова искать и искать себе кого-то. Какие мои годы? В конце концов мне завести знакомство — раз плюнуть. А разве мало найдется

состоятельных мужчин «за сорок и старше», у которых вторая-третья молодость только начинается?

А тут я! — стройненькая, без комплексов. Запросто можно устроить брак с каким-нибудь дедом, который потом оставит меня счастливой вдовой и богатой наследницей.

Этот номер потом можно повторить не один раз, кто мне мешает?! Так что вперед и с песнями.

И надо еще хорошенько вспомнить, кто из моих обидчиков пока остался безнаказанным. А то я что-то начала форму терять.

Как там, например, поживает экс-муженек Сереженька? Тоже ведь ловко вывернулся, ушел сухим. И я проглотила?! Не-е-ет!!!

Вот это и есть мой самый лучший выбор: идти дорогой сильных, перед которыми никто не устоит. Да, да! Сто раз да!!!

Сегодня же, прямо сейчас и начну действовать. И первым делом надо ликвидировать один самый старый, самый болезненный должок, много лет мешающий мне спокойно жить: а позвоню-ка я тете Наташе!

Сначала сочувственно спрошу про ее житье-бытье: мол, не надо ли вам помочь в чем-нибудь? Люди это ценят: тут же растет.

Потом поведаю со слезой в голосе, как бесконечно тоскую по своей закадычной, единственной по-настоящему дорогой подруженьке, умнице и рукодельнице Анечке Голубевой.

Как там жизнь ее семейная в столице протекает, под любящим крылышком обеспеченного мужа? А нельзя ли, тетенька Наташенька, попросить у вас телефончик и адресочек Анюточки? Я, видите ли, как раз в Москву собираюсь прошвырнуться, вот и заскочила бы, проведала. Старая дружба не ржавеет!

И не поленюсь в Москву съездить, кто мне мешает? А там, на месте, буду действовать по обстоятельствам, экспромтом.

Нет, не уйдет Голубева от моей справедливой мести. И то, что отказалась она тогда от нашей дружбы, практически бросила меня, — припомнится ей теперь до мелочей. Она меня тогда, на моем же дне рождения, посмела унижить: развернулась и ушла!! Просто в душу плюнула.

Этого ни один уважающий себя человек никогда не забудет, а я тем более!

...А остальные мои обидчики, которых перечислять — недели не хватит?! В одном только медучилище их целый отряд. И тетка Дина — заждалась своей порции, и шеф мой бывший, Владлен Игнатович... И чего я до сих пор медлила? Сколько времени зря потеряла!

Ничего, теперь я наверстаю.

